

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2025. № 1 (35)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (35), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94>
<https://elibrary.ru/SPOQNY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Валерий Брюсов в воспоминаниях С.М. Соловьева

© 2025, А.Л. Соболев
Независимый исследователь,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуется мемуарный очерк о В.Я. Брюсове, написанный вскоре после смерти поэта его приятелем, символистом младшего поколения С.М. Соловьевым. Их литературные и человеческие отношения были непростые, что прямо отражено в очерке. В своем мемуаре Соловьев останавливается на середине 1900-х гг., времени наиболее тесного общения двух поэтов и обретения Брюсовым широкого литературного признания. Рассказывая ряд интересных жизненных историй, мемуарист в то же время старается показать становление Брюсова как главы новой школы русской поэзии и литературы, отводя ему примерно ту же роль, что столетием раньше выпало сыграть А.С. Пушкину. Вспоминая Брюсова в свете редакционных дел по журналу «Весы», книгоиздательству «Скорпион», в литературных и личных стычках и полемиках, в кругу семьи и в напряженных любовных коллизиях, Соловьев не забывает о главном — о том, что герой его очерка был прежде всего поэтом. Воспоминания печатаются полностью по авторской рукописи С.М. Соловьева, публикация сопровождается научным комментарием.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, Сергей Соловьев, мемуары, русская литература начала 20 века, символизм, периодическая печать, биография писателя, литературный быт, архивные документы.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.Л. Валерий Брюсов в воспоминаниях С.М. Соловьева // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 51–94. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94>

Печатаемые ниже воспоминания Сергея Михайловича Соловьева (1885–1942) о Валерии Яковлевиче Брюсове (1873–1924) не принадлежат к числу вовсе неизвестных источников. Со ссылкой на «маши-

нопись в собрании Р.Л. Щербакова» они цитировались в биографии Брюсова, вышедшей за подписью Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова [4, с. 655]. Фрагменты сохранившихся в собственном архиве Соловьева черновиков приводились в работе А.В. Лаврова [13, с. 376]¹. Мы берем за основу публикации рукописный беловик мемуаров, отложившийся в довольно неожиданном источнике — фонде А.М. Эфроса (РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 11). Вклад последнего в брүсоведение минимален и ограничивается, по сути, некрологической репликой в сборнике 1925 г.² Единственное в его архиве письмо И.М. Брюсовой относится к 1942 г. и, несмотря на содержащийся в нем отчет в подборе материалов («Наконец, разыскала Вам книги, что Вас интересуют. Простите, что вид их столь непривлекателен — дань времени. Chefs d'oeuvre имеется у меня только в одном экземпляре. Может статься, что разыщу еще, тогда я передам Вам, для Вашего знакомого, но сейчас не попадаете больше»³), не приближает нас к разгадке появления в фонде манускрипта соловьевских мемуаров. Остается предположить или полностью оставшуюся недокументированную работу Эфроса над несостоявшимся сборником памяти Брюсова, либо просто череду случайностей, столь часто отсутствующих формированию архивных комплексов.

Печатаемые мемуары имеют отчетливый некрологический характер: под черновиком стоит помета: «29 октября, Надвразжино»⁴ — и архивисты обоснованно предполагают, что непроставленный в манускрипте год — 1924-й: это означает, что работа над ними была вчерне закончена через три недели после получения горестной вести. Сам жанр хроникальных записей в сочетании с корректной и обстоятельной манерой Соловьева-мемуариста избавляет публикатора от необходимости предварять текст очерком истории отношений автора и героя. За пределами воспоминаний остались лишь несколько эпизодов этого почти двадцатипятилетнего знакомства.

В позднем письме к вдове Брюсова, договариваясь о подготовке к печати неоконченного перевода «Энеиды», Соловьев, почти между делом говорит, что ему «кажется уже суждено быть зам-Брюсовым»⁵. Это чуть не впервые прямо сформулированное ощущение невольной-

¹ См. также предисловие А.В. Лаврова, предпосланное книге воспоминаний Соловьева: [22, с. 9–12].

² Книга для чтения по новейшей русской литературе / сост. В. Львов-Рогачевский. Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 2. С. 213.

³ Письмо от 27 ноября 1942 г. // РГБ. Ф. 589. Карт. 20. Ед. хр. 48. Л. 1.

⁴ РГБ. Ф. 696. Карт. 3. Ед. хр. 7.

⁵ Письмо от 4 декабря 1928 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 155. Ед. хр. 16. Л. 3. Подробнее оно цитируется в прим. 110 к тексту воспоминаний.

го двойничества многое объясняет в их односторонне неровных отношениях. Рассыпанные по переписке отзывы Соловьёва о Брюсове полны чувства недобровольного подчинения. «Весь месяц я провел в неприятнейшей борьбе с “великим магом”, который пустил несколько бомб, необыкновенно разрушительных», — писал он Блоку в середине осени 1904 г. — «План кампании мага Валерия был следующий, поистине блестящий: обезоружить меня, заставив меня влечь в бездну за собой ту особу, роль которой в моей жизни я считал конченной»⁶. «Простите мне ради Бога мою низость — я написал о Вас по приказу, то, что буквально продиктовали мне...»⁷, — спустя несколько лет извинялся он перед Буниным за глумливую рецензию в «Весакх». С этим выпукло контрастируют написанные в те же годы мадригалы «Ты, Брюсов, не был бы унижен...» и «Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял...». Тот же психологический казус, вероятно, лежит в основе эпизода, по сути, небывалого: в предисловии к своему третьему сборнику стихов Соловьёв помещает подробный разбор брюсовской рецензии на второй⁸. На той же линии — гипертрофированно эмоциональная реакция Соловьёва на случай, вчуже представляющийся незначительным: оставив «Весам» для публикации десять стихотворений и не дождавшись реакции, он отдал два из них в другой журнал, где они были напечатаны. Выяснилось, что они же были отобраны и «Весами», на что Брюсов ожидаемо попенял в несохранившемся письме. Соловьёв отвечал многостраничным памфлетом, завершив его:

Продолжать переговоры с Вами я могу только по выяснении некоторого икса в Вашем письме. Что разумеете Вы под «нарушением добрых литературных обычаев»? Выражение неопределенное, в него можно вкладывать различное содержание. А вот уже яснее: «Вы позволили себе некорректность». Позволил, значит: сознатель-

⁶ Недатированное письмо (первая половина октября 1904 г.): [18, с. 378].

⁷ Бунин И.А. Биографические материалы. Воспоминания. М.; Берлин: Директ-медиа, 2017. С. 42.

⁸ Соловьёв С. Цветник царевны. М., 1913. С. IX–XV. На это обратил внимание один из рецензентов: «<...> нам кажется, что лучше было бы для г. Соловьёва не печатать своего длинного предисловия и не вступать с г. Брюсовым в пререкания о художественном достоинстве своих стихов» (*Шмидт В.* <Рец. на:> Сергей Соловьёв. Цветник царевны. М., 1913 г. // Русская мысль. 1913. № 10. С. 366). Занятно, что, кажется, единственный среди критиков апологет Соловьёва, Н.А. Фольбаум, хотя и не отрицает зависимость Соловьёва от Брюсова, отдаёт ему преимущество: «Сергей Соловьёв во многом напоминает Брюсова, каким тот был в “Urbi et orbi”. Но если сравнить его с тем, чем сделался Брюсов в книжках “Современного мира”, то, пожалуй, Соловьёву придется отдать пальмовую ветвь. Я с искренним восторгом приветствую книгу Сергея Соловьёва» (*К. без С.* Книжная витрина // Заря. 1907. № 207. 30 апреля. С.3).

но совершил. Что же совершил? Послал стихи зараз в две редакции? Это называется не некорректность, а — мошенничество.

Я был очень удивлен, что, несмотря на давнее наше знакомство, Вы не то подумали, не то сделали вид, что подумали обо мне столь дурно. Действительно, одно из двух: или я жертва ошибки, и тогда следовало Вам говорить со мной в менее оскорбительных выражениях и не делать мне нотаций, от которых я отвык с тех пор, как покинул школьную скамью. Или же я — мошенник, но тогда неуместна подпись: Ваш дружески.

Теперь: в чем предлагали Вы мне извиниться: в рассеянности, неаккуратности или в сознательном обмане? На первое я готов только в том случае, если и редакция извинится в том же самом заодно со мною. На второе я отвечать не стану. Мое имя слишком чисто, чтобы я за него боялся⁹.

Градус этих отношений естественным образом снизился к середине следующего десятилетия — хотя еще в 1916-м Соловьев писал приятельнице: «Бои давать я не перестал, но пока они происходят в моем кабинете. Пишу сейчас против Брюсова <...>»¹⁰. После долгого перерыва они увиделись уже в начале 1920-х годов. 19 декабря 1922 г., сообщая Белому московские новости, Соловьев писал: «Брюсов очень жалок. Про него хочется сказать «лежачего не бьют»»¹¹. На этот момент они были коллегами — но вновь, как и в эпоху «Весов», над их союзом лежала тень благоденствия старшего младшему: Соловьев состоял преподавателем в управляемом Брюсовым институте. Впрочем, и закатные дни их отношений не обошлись без надрыва: Соловьев был уволен от преподавания и требовал ответа: «[о]тменяется ли в Институте самый предмет латинского языка или курс поручается другому преподавателю»¹². Несколько месяцев спустя Соловьев находился среди многотысячной толпы, провожавший гроб Брюсова на Новодевичье.

Воспоминания печатаются по рукописи (РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 11) без изъятий. Общеизвестные имена и понятия не комментируются.

⁹ Письмо от 7 сентября 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 17–19. Речь о стихотворениях «Ты взманила к вешним трелям...» и «Тают тайные печали...», напечатанных в «Перевале» (1907. № 7. С. 27–29) и «Весях» (1907. № 8. С. 9–10, 13–14).

¹⁰ Письмо к Н.А. Врангель-Левецкой от 21 декабря 1916 г.: [19].

¹¹ Письмо С.М. Соловьева к Андрею Белому // Опыты. Нью-Йорк, 1953. Кн. 2. С. 187.

¹² Недатированное письмо // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 32.

С.М. Соловьев

Валерий Брюсов эпохи «*Urbi et orbi*» и «Венка»

Если начало 19 в<ека> в поэзии отмечено именем Пушкина, а конец его именем Фета, то возрождение русской поэзии в начале 20-го века имеет в Брюсове своего единственного начинателя и завершителя. Перед ним стоит Бальмонт, за ним следует Блок, но эти типичные романтики, чистые лирики и импрессионисты, не могли создать эпохи и школы, как создал Брюсов, поэт мысли, классик по форме, ученый изыскатель, организатор и администратор. На заре моей жизни я был совершенно раздавлен могучим гением Брюсова, на несколько лет мог быть только его подражателем, и с трудом выбирался на собственные пути в поэзии. Прошли года, отношение мое к Брюсову стало объективным. Делались ясны его недостатки, особенно при наведении на его стихи лучей поэзии Тютчева и Боратынского, но и теперь, открывая лучшие страницы его книг, поражаешься силой и самобытностью его таланта и возмущаешься несправедливостью тех, кто, так много получив от Брюсова, готовы лягать копытом мертвого льва.

Близость моя с Брюсовым относится к 1904–1905 гг., впоследствии мы разошлись и не видались около 10 лет. Но в том седом человеке, с которым я встретился 3 года назад, я узнал много мне дорогого и хорошего. 3 года я работал у него в Институте¹, а когда увидел в гробу его заостренное, как у летящей птицы, лицо, увидел этого сожженного и упавшего Икара-Фаэтона —

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам океанид!²

— много встало теней, и с благодарным и грустным чувством я делюсь с читателями воспоминанием о моей встрече с Брюсовым на рубеже «*Urbi et orbi*» и «Венка»³.

I.

Когда я был гимназистом, в Московском обществе стало известно, что есть молодой скандалист Брюсов, написавший «О, закрой свои бледные ноги»⁴. Всеобщему глумлению над Брюсовым способствовала и рецензия о «Русских символистах», написанная в «Вестнике Европы» моим дядей В.С. Соловьевым⁵. В.С. преду-

преждем молодого символиста, что «потворствование низменным страстям не приведет к добру» и что, начав с заглядывания в женские купальни, поэт начинает страдать манией величия: уже река представляется ему «саркофагом», а он сам — «великим человеком». Вскоре после этого Соловьев умер⁶. И в «Русском архиве» появилась статья Брюсова «Поэзия Владимира Соловьева»⁷. И что же? Молодой поэт не только не воспользовался случаем отомстить своему суровому и не совсем справедливому критику, но скромно склонился перед его судом. «В последнее время за Соловьевым признавали право учить», заканчивает Брюсов свою статью. «Очень жаль, что замолкли эти столь нужные нам поучения. Но вспомним, что он сам видел божественную необходимость и справедливость даже в выстреле Дантеса, «разрушившем божественный фиал, как сосуд скудельный»⁸.

Такое благородство со стороны известного «хулигана» и «скандалиста» весьма тронуло моего отца, и скоро Михаил Сергеевич, человек строгий, замкнутый, с аскетическим складом Марка Аврелия, стал частым гостем в квартире Брюсова на Цветном бульваре, а Брюсов появился у нас за вечерним чайным столом⁹. Мне шел тогда 16-й год, интересы мои были направлены совсем в другую сторону, и я обыкновенно уходил, когда появлялся Брюсов, произведший на меня сразу неприятное впечатление. Брюсов подарил моему отцу свою книгу «*Tertia vigilia*» и читал ему свои стихи из готовящейся книги «*Urbi et orbi*»: *Habet illa in alvo*¹⁰, Еще я долго поброжу по бороздам земного луга¹¹ и жуткое стихотворение о любовном свидании с покойницей¹², которое Брюсов обыкновенно преподносил в салонах *pour épater les bourgeois*¹³. Конечно, Брюсов, вел себя с моим отцом очень скромно и тактично, он старался ему понравиться и достигал цели. Помню одну фразу Брюсова у нас за чаем: «представьте себе, цензура вычеркнула у меня один эпитаф, из кого бы Вы думали? из Фомы Кемпийского!»¹⁴. Когда мой отец прислал Брюсову 3-й и 4-й тома сочинений В. Соловьева, с «Великим спором» и «Историей теократии», Брюсов отозвался весьма прочувствованным письмом, где писал, что с жадностью принялся за чтение этих томов, что они ему ближе и интереснее, чем два первых, чисто философских¹⁵.

Когда через несколько лет мой отец заболел смертельной болезнью, Брюсов прислал письмо, где высказывал надежду на скорое выздоровление и между прочим заявлял: «Михаил Сергеевич не может умереть, так как мне надо о многом, многом с ним поговорить»¹⁶. И странно, что этот на все пуговицы застегнутый, черствый

и резкий молодой человек у гроба моего отца держал себя взволнованным и почти плачущим ребенком¹⁷. В «Новом Пути» Брюсов напечатал весьма краткий и сухой некролог моего отца, но за этой сухостью можно было угадать многое¹⁸.

Прошло полгода. Однажды в октябрьский вечер слышу в передней оживленный, захлебывающийся голос Андрея Белого и чьи-то редкие реплики. В кабинет вошли Белый и Брюсов. Последний положил передо мной том «Urbi et orbi», в белой обложке, с крупными золотыми буквами. Я начал ему читать свои стихи. Брюсов кое-что снисходительно похвалил, но заметил: «в них мало того, что я особенно ценю: искусства». Тут же прочитал одно свое стихотворение, и все, что я писал, показалось мне детским лепетом. Я погрузился в изучение «Urbi et orbi», и могу повторить слова Блока из письма ко мне: «Urbi et orbi начало раздирать нас пополам, но половинки склеиваются»¹⁹. Трудно и радостно было поверить, что в наши дни, дни Фофанова и Минского, живет поэт, как были поэты раньше, может быть Боратынский, а, может быть, и Пушкин, живет он на Цветном бульваре, можно к нему ходить и слушать его новые стихи. И я ходил к нему по утрам и иногда засиживался до обеда. Очарование было уже в самой квартире Брюсова, уютной, комфортабельной, очень простой и скромной. В кабинете — несколько шкафов книг: отдельные полки посвящены литературе по Пушкину, литературе по Вергилию, а внизу виднеются толстые серые фолианты по средневековой магии. На шкафу одна мраморная головка из Флоренции, над столом — большой неизвестный портрет Владимира Соловьева, загадочно смотрящий зачарованными глазами²⁰. У Брюсова во всех движениях — отчетливость, выделка, экономия. Цепкие пальцы летают по полкам, моментально достается нужная книга, прочитывается цитата, и книга опять на месте. В отношении вносила милую ноту жена Брюсова, маленькая, круглая, домовитая Жанна Матвеевна. Она — чешка, и в доме стиль не русской, а европейской аккуратности и комфорта. Иногда приходит свояченица Брюсова, веселая и легкомысленная Бронислава Матвеевна, воспитанная в католическом пансионе²¹. Одним словом — «дом Матвея», который описан в «Огненном ангеле». За обедом оказывается, что Брюсов не ест мяса. В то время он и не курил, и не пил вина. Иногда у него останавливался странник, одетый по-мужицки, поэт Добролюбов, говоривший на о и называвший Брюсова «брат Валерий»²². В папках хранились начатые рукописи. В отсутствие Брюсова Жанна Матвеевна однажды украдкой дала мне читать рукопись готовившегося «Венка».

Придешь, прочитаешь Брюсову ряд стихов. Он их мгновенно уничтожит своим едким анализом, окончательно добьет двумя-тремя стихами из Пушкина, потом неохотно ~~вынет листок бумаги~~ и прочтет (чаще всего наизусть) одно свое новое стихотворение: «Медея», «Конь блед»²³. Такое совершенство, что молчишь и думаешь: «а, может быть, это второй Пушкин?». Я решаюсь критиковать один стих:

Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба²⁴.

«Есть вариант», замечает Брюсов, «быть рабой твоей, судьба!» «Много Вы пишете», обидно обращается ко мне Брюсов, «я вот за два последних месяца написал всего одно стихотворение “Конь блед”, но надо еще над ним поработать».

Разговор идет совершенно внешний, формальный, но вдруг Брюсов «разверзает уста», и целый мир: страсти, ужасы, страдания, нежности — возникает и втягивает в себя волшебной силой.

Иногда Брюсов читал мне Боратынского, которого знал почти всего наизусть, и своим отчетливым, певучим чтением впервые открывал и объяснял мне то или другое стихотворение. Лучшего чтения я не слышал. В одну ноту, выделяя каждое слово, напряженным голосом он читал:

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь²⁵

и вдруг бросал: «а оно». «Вы понимаете, что оно? Тело, о котором упомянуто раньше».

Выходишь на улицу и чувствуешь, что все в душе смято и опрокинуто, юношеское мирозерцание колеблется, все написанное кажется хламом, хочется учиться, стать таким же тружеником, мастером, как волшебник, сидящий в квартире на Цветном бульваре.

II.

В сентябре 1904 г. я студентом 1-го курса первый раз зашел с Белым в редакцию «Скорпиона», в Метрополе, на Театральной площади. В верхнем этаже, в небольшой комнате, один, среди груды иностранных журналов и корректурных листов, постоянно

тревожимый звонком телефона, сидел Брюсов, в самом центре Метрополя, этого американизованного дома-небоскреба, какие тогда еще только подымались в Москве. Это было вскоре после нашего поражения под Ляояном²⁶. Брюсов был исключительно поглощен Японской войной.

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа²⁷.

Он говорил, что если будет заключен позорный мир, он напишет стихи с эпиграфом из Тютчева:

Нет, мера есть долготерпению,
Безумству также мера есть...
...
Не все же можно перенести!²⁸

Он злобно бранил Куропаткина²⁹ за его военную бездарность. Я начал оправдывать его общими фразами о плохом состоянии войска, трудности сообщения, недостатке снарядов и т. д. Брюсов пожал плечами: «если бы все было идеально, то вероятно и я бы разбил японцев, хотя я плохой полководец». Затем начал жаловаться на трудности своего положения, на свою одинокость в работе над «Весами». «Мне бы нужен был человек, во-первых, знающий французский, немецкий, английский и итальянский языки, во-вторых...» и т. д. Скоро такой нашелся в лице грека М.Ф. Ликиардопуло³⁰. Мы вышли на улицу. Мальчик-газетчик выкрикивал какое-то поразительное известие с театра войны. Брюсов быстро ловит газетный листок и со злобой ударяет по нему пальцем: «Вот как они надувают! Смотрите!», и он начал разбирать крупные слова, как какой-нибудь филологический текст. «Два слова выкидывают, прибавляют одно, и получается вздор».

Белый тогда, окончив физико-математический факультет, поступил на первый курс филологического факультета. Брюсов недоумевал: «Да зачем, Борис Николаевич? Уехали бы в какой-нибудь немецкий университетский город и учились бы! Что Вам может дать Московский филологический факультет?»

В один сентябрьский вечер Брюсов пригласил нас с Белым к себе на поэтическое собрание. Были еще Балтрушайтис, Ходасе-

вич, Максимилиан Шик и Малицкий³¹. Мы с Белым пришли раньше всех и с братом поэта Александром Яковлевичем³² ждали в кабинете Брюсова, который одевался. Он вошел в кабинет, руки его сильно пахли одеколоном. Духов Брюсов никогда не употреблял, не любил и цветов, предпочитая им простую зелень. Собрались гости, зашел философский разговор. Впрочем это был не разговор. Брюсов говорил монолог и доказывал множественность совершенно неведомых миров. Видя, что спор не завязывается, он обратился к угрюмо молчавшему Балтрушайтису. «Что Вы не говорите, Юргис?» — и с милой улыбкой «ведь это Ваша тема». Но Балтрушайтис не пошевелился.

Перешли в столовую. Брюсов угощал всех бутербродами, и когда кто-нибудь скромно брал один бутерброд, властно и внушительно говорил: «еще!». Если отказывались, Брюсов с напряжением повторял: «еще!», и отказаться не было возможности. И вдруг все стало волшебным. Раздались звуки «Орфея и Эвридики»³³. Рыдающие звуки любви, которая силится проникнуть в царство мертвых, вызвать оттуда дорогую тень.

Верь мне, верь мне! У порога
Встретишь ты, как я, весну.
Я, заклявший лирой бога,
Песней жизнь в тебя вдохну.

Но Эвридика ускользает во мрак и пустоту:

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Выразив свое восхищение, один из слушателей начал возражать Брюсову, что любовь действительно может победить смерть, может воскресить мертвых. «Нет, нельзя, нельзя» отчетливо настаивал Брюсов, как перед тем он говорил о бутербродах: «еще! еще!». И новая рыдающая песня любви «Ариадна»:

И сердце в первый раз извело,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле³⁴.

Музыка волшебника Клингзора окончательно покорила всех присутствовавших Эшинбахов и Офтердингенов³⁵. Потом я читал «Дафну», «Видение св. Бернарда» и мелкие стихи³⁶. «Хорошо пишете, С. М.», как-то сердито заметил Брюсов, и нельзя было понять, что здесь, похвала или ирония. Потом читал Белый из «Золота в лазури»³⁷. Брюсов был восхищен и говорил: «Продолжайте, продолжайте, Борис Николаевич. А мы будем вас слушать, как звери слушали Орфея». Максимилиан Шик читал немецкие стихи, начинавшиеся: «Wie die trunkende Bajaderen»³⁸. Брюсов похвалил и заметил: «а что рифма *einst* и *du weinst*³⁹ обычна в немецких стихах, или это Ваша собственная рифма?». Шик скромно сознался, что рифма эта обычная. Балтрушайтис и Ходасевич весь вечер не проронили ни слова.

III.

Этой осенью я часто по вечерам встречал Брюсова у Белого. Однажды я застал там и приехавшего из Парижа Макса Волошина. Волошин читал стихи⁴⁰. Брюсов напал на него за то, что он вместо «феи» говорит на иностранный лад: «фэи»⁴¹. «Феи, феи», кричал Брюсов, «а это что у Вас за слово? такого слова по-русски не существует». — «А почему бы ему», потупился Волошин, «не начать существовать?» — «Потому что есть другое русское слово, а этого слова не должно существовать». Брюсов делался все раздражительнее. Он покорял нас своими политическими стихами: казалось, ожила форма политических стихов на злобу дня, чего мы не видали со времен Пушкина и Тютчева. В то время революционные круги приветствовали стихотворение Брюсова «Кинжал»⁴². «Чтобы прекратить эти восторги, я написал вот что», — и Брюсов властно махнул рукой, как консул, подавляющий восстание.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!⁴³

Нам, большим в то время романтикам, было непонятно, что Брюсов так увлекается политикой и даже произносит речи в Городской Думе⁴⁴. Но сам Брюсов придавал этой своей деятельности большое значение и повторял стих Тютчева:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!⁴⁵

По поводу известия об одном жестоком сражении, когда Белый воскликнул: «ужасно! ужасно!», Брюсов гневно загремел: «Что же ужасно? А Вы как себе представляете? Война не то, что рисуется на батальных картинках! Штык вонзается в мундир, затем в рубашку, затем в тело... Но я готов воздвигнуть алтари безумию и ужасу и приносить на нем жертвы, бескровные» затем после паузы, задумчиво, с зычным <?> воркованием: «и кровавые». Конечно, в таких фразах Брюсова было много деланности и риторики, но на гимназистов и студентов 1-го курса они действовали сногшибательно, и это действие Брюсов учитывал, вербуя свои легионы. И, задав страху, на всех накричав и всех разбранив, он вдруг набрасывал покрывало над зазиявшей пропастью, и начинал услаждать нас каким-нибудь латинским стихом из Вергилия.

Около 4-х часов обыкновенно можно было застать Брюсова в редакции «Скорпиона». Здесь происходили самые интересные разговоры; он затрагивал какую-нибудь острую тему, недоговаривал и загадочно улыбался. «Я Вас люблю за то, что Вы человек очень соблазняющийся», говорил он мне; затем он обращался к Белому: «а ведь Вас я одно время считал Алешей Карамазовым». Шутя он сравнивал меня и Белого с Орестом и Пиладом, с Розенкранцем и Гильденштерном (себе оставляя почетную роль принца Гамлета). «Вы знаете, что когда Орест умер и сошел в ад, Пилад пожелал покинуть для друга Элисейские поля и пребывать в аду». «Кто же из нас будет в аду?» спросил я. Брюсов смерил нас взглядом. «Я думаю, в аду будет...» взгляд его нежно остановился на Белом — «Борис Николаевич». В то же время он написал стихи к Белому, где от лица Локи обращался к Бальдеру:

Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу.
..... я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
«Бальдер! Бальдер! ты в аду»⁴⁶.

Он особенно любил скандинавскую мифологию. «Заметьте, во всех религиях свет в конце концов побеждает тьму, и только в скандинавской мифологии торжествует мрак». Мы шли около Метрополя. «А если бог восторжествует над злом?» спросил я. «Не

хочу тогда жить» — отвечал Брюсов, подняв голову, «пусть я умру тогда последней смертью. Ведь такая есть?»

Как-то мы сидели в его кабинете. «Скажите мне, Валерий Яковлевич», обратился я к нему, «Вы-то верите, что Христос воскрес?» Он грустно склонил голову. «Ну, конечно, С.М.», устало произнес он, «Христос воскрес, Бог победил дьявола, но я-то не хочу становиться на сторону победителя и сильнейшего. Правда, я говорю романтически, но меня всегда возмущало, что Бог обманывает дьявола. Ведь и в “Фаусте” Гете в конце концов Мефистофель остается в дураках. Да, да, Бог надувает его»⁴⁷. И глубокая обида, сочувствие и жалость к Мефистофелю слышались в его голосе.

В начале 1905 г. у Брюсова с Белым произошла ссора. Брюсов весьма неделикатно выразился о Мережковском и повторил о нем гнусную и невероятную сплетню. Дело дошло до вызова на дуэль⁴⁸. Друзья поэтов старались предотвратить этот исход. Однажды, в зимних сумерках я увидел, что по двору ко мне идет Брюсов. «Ну что? Все благополучно?» спросил я. Он изнеможенно опустился в кресло. «Все благополучно... ах, до скути благополучно»⁴⁹. Не дадите ли Вы мне бумагу и перо?» «Вот жаль перья плохие», заметил я. Брюсов стал рыться в перьях и пробовать их. «А вот хорошее перышко!» Он четко написал записку, сложил и просил передать ее Белому⁵⁰. Затем принялся уныло роптать: «Современному человеку легко писать, но трудно убивать. А вспомните хоть Карла Великого, который едва умел нацарапать свое имя, а что ему стоило убить человека?»

Стихи Брюсова в то время были полны предчувствием смерти. В феврале мы собрались в редакции «Весов» слушать новую драму Брюсова «Земля». Драма эта меня немного разочаровала, от Брюсова я ждал большего. На чтении были: редактор «Скорпиона» С.А. Поляков, редактор «Грифа» С.А. Соколов с женой, писательницей Ниной Петровской, и Андрей Белый⁵¹. После чтения заговорили о предстоящем сборнике Брюсова «Венок». «Если меня не будет в живых, я поручаю издание Сергею Александровичу», обратился Брюсов к Полякову. В те же дни написаны дивные стихи: «Ахиллес у алтаря»:

Знаю я: во вражьем стане
Изогнулся меткий лук.
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.
Встал над жертвой облак дыма,

Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

В январе-феврале 1905 г. я дружил с Ниной Ивановной Петровской и бывал у нее почти каждый день. От нее я получал новые стихи Брюсова, написанные на листочках, пропитанных запахом модных тогда в Москве, очень душистых духов *Ideál*. Так я узнал «Ахиллеса у алтаря» и «Адама и Еву» — два стихотворения, где Брюсов достиг небывалой раньше и после того силы.

Раз, зайдя в редакцию «Весов», я застал Брюсова, очень возбужденным, за перемаванным, со множеством поправок листом. Среди работы, отрываемый звонками телефона, он лихорадочно писал стихотворение «Клеопатра», с характерной для него рифмой: «распят» и «аспид»:

Нет, как раб не буду распят,
Ты не будешь как раба.
Клеопатра! верный аспид
— Наша общая судьба.

Отчасти благодаря влиянию Нины Петровской, расположение ко мне Брюсова возрастало. Он предложил мне напечатать 5 моих стихотворений в 4-м сборнике «Северных цветов», и сам придумал для них удачный заголовок «Предания»⁵². Тогда же он привлек меня к печатанию рецензий в «Весках» — делу, которое я исполнял неохотно, так как здесь приходилось считаться с политикой литературного лагеря и наживать себе врагов в людях, никакой вражды к которым, ни личной, ни идейной, я не имел, между тем как в самом лагере «Весов» чувствовал себя случайным гостем. Однажды Брюсов зашел ко мне и, не застав дома, оставил том сборника «Знание», с запиской, где просил хорошенько разругать книгу для ближайшего номера «Весов» и кончал словами: «пора указать Горькому и К^о их настоящее место». Я неохотно написал нескладную рецензию, которую Брюсов, не предупредив меня, переделал, вставил в нее свои фразы, отчего она получила вид совсем нелепый⁵³. Когда я указал Брюсову, что не могу видеть свое детище в таком искалеченном виде, он уныло заметил: «да ведь Вы написали очень нескладно».

К весне 1905 г. наша дружба с Брюсовым усилилась до того, что мы соединились с ним против всех остальных писателей. Раз, после обеда у него, мы вышли вместе на Цветной бульвар. Снег таял,

и фонари слабо мерцали в засиневшем небе. Брюсов взял меня под руку и, смотря вдаль, сказал: «Все-таки лучшее из стихотворений: “Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят, бегут и будят сонный брег...”».

В ясные апрельские дни я приходил к нему обедать. Бронислава Матвеевна приносила желтые мимозы; Брюсов вбегал опоздавший, запыхавшийся, изнеможенный. «Какой день!» обращался я к нему. «Да, действительно», тряс головой Брюсов, «я его... выпил». После обеда он приносил за чай какую-нибудь книжку. В то время он очень советовал мне заняться переводом «Фауста», и я набросал несколько отрывков⁵⁴. Говорили мы о том, как трудно передать несравненную песню Гретхен за прялкой: «Meine Ruh ist hin, Mein Herz ist schwer», и особенно «Und — ach! — sein Kuß!»⁵⁵ Мы сравнивали все русские переводы, и Брюсов особенно выделял перевод песни Гретхен у Веневитинова⁵⁶. «Но как быть с этим «поцелуй», тут не обойдется без «струй», у всех них здесь «струй». А Вы знаете для перевода Байроновых стихов «Первый поцелуй» я должен был подобрать семь рифм к слову «поцелуй»⁵⁷. А как хорошо у Веневитинова окончание: «И, умирая, еще лобзанья рвать»⁵⁸. — «А какую сцену из «Фауста» Вы больше всего любите?» — «Да пожалуй, где Фауст с Мефистофелем летят мимо виселицы и видят хоровод ведьм».

Когда мы вышли на улицу, Брюсов вдруг испуганно воскликнул: «воздуху! воздуху! я задыхаюсь дома!»

Эту весну Брюсов был влюблен в тему «Антония» и долго развивал мне сюжет: Антоний, за минуту до победы, вдруг поворачивает корабль и устремляется за Клеопатрой, проиграв все свое дело. Вообще «Антоний и Клеопатра» была любимая его Шекспирова трагедия, которую он часто цитировал. Этот год он жил мыслью о Египте, ему грезилось, что он жил в Египте еще во времена гиксов⁵⁹ <sic!>, отсюда постоянная тема «Изиды», «Тота» и Клеопатры. После разговора с Брюсовым об Антонии, я скоро принес ему написанные мной на эту тему стихи. Брюсов очень был доволен. Начинались они так:

Слышишь весел взмахи мерные?
Дружно скрипнули рули:
Моему приказу верные
Отплывают корабли.
Там, за далями зелеными,
Мчатся римские суда:
То Октавий с легионами

Исчезает без следа⁶⁰.

Через несколько дней Брюсов прочел мне своего «Антония». Хотя мои стихи были написаны под Брюсова, но мы совершенно по-разному разработали тему. У меня была картина и лирика, у Брюсова блестящее рассуждение:

Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя.
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель за тебя.

Никогда в жизни Брюсов не был таким напряженным и иступленным, как этой весной, никогда он не был таким типичным поэтом. В мае и он, и я постоянно встречали зарю на московских улицах, и эти часы рассвета весны 1905 сохранены в очень тогда любимых мной стихах Брюсова:

Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты, смятые, вином.
Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой...⁶¹

В этот год написан «Венок» и окончательно задуман «Огненный ангел». Роман этот Брюсов замыслил давно, еще в ранней юности, у стен Кельнского собора:

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи.
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном
Взоры нежные твои⁶².

Медленно, год за годом, роман этот зрел в уме Брюсова, он изучал литературу Средних веков, знаменитый «Молот ведьм», выдумывал сцены, подбирал типы, всматривался в старинные гравюры. Первоначально заглавие этого романа должно было быть

«Ведьма», и это заглавие было удачнее, чем «Огненный ангел», так как в центре романа стоит ведьма Рената, а не ангел Мадизэль⁶³.

В мае праздновался юбилей Шиллера, и Брюсов дал в «Весах» место трем балладам Шиллера в моем переводе⁶⁴. На лето он уехал в Финляндию, где создал прелестный цикл стихотворений к Сайме⁶⁵. Брюсов сознавал, что его талант стоит в зените, что дальше неизбежен склон вниз:

Взлечу, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью стремительной
Всем существом впиваю высь⁶⁶.

IV.

Зимой 1905–1906 г. Брюсов был поглощен революционным движением. Он радовался революции, приветствуя ее как «лик Медузы»⁶⁷:

Это колокол вселенной
С языком из серебра,
Что колышет миг мгновенный
Робеспьеры и Марà⁶⁸.

После громов декабрьского восстания появилась его книга «Венок», и в предисловии автор вздыхал: «Бедная моя книга! Многие оттолкнут тебя, сказавши: «не время»».

В эту зиму написано прекрасное стихотворение «Грядущие гунны», первую строфу которого Брюсов еще давно сообщал мне во время прогулки. Вообще в то время он творил медленно, — одно стихотворение зрело у него годами: создавалась одна строфа, постепенно обрастала другими строфами, иногда Брюсов долго носил в голове один замысел, иногда одну рифму; так стихотворение «Грядущие гунны» по-видимому запело с рифмы гунны — чугуновый. И часто лучшие стихи Брюсова создавались годами. Бывало, спросишь его: «Ну, а как Ваш Erlkönig?»⁶⁹ «Да еще две строфы прибавилось». То же было и с прозой. Замысел романа «Ведьма» явился в молодые годы у стен Кельнского собора. Роман был уже анонсирован в «Весах» в 1907 г., а у Брюсова лежала только чистая рукопись, сверху которой было написано: «Ведьма»⁷⁰. Но первые главы романа превзошли все ожидания. Мы знали Брюсова, как большого поэта, теперь открылось, что он такой же великолепный

прозаик. Казалось, перед нами вырастает новый Вальтер Скотт, новый Флобер⁷¹.

Но в 1905–906 гг. я уже начал отходить от Брюсова, «выкарабкиваться из-под тяжести его стихов», как выражался Блок⁷². Этому освобождению много помог приезд в Москву барона Pierr'a d'Alheim, французского писателя⁷³. Подобно Брюсову он был мистик и эстет, подобно Брюсову он жил в атмосфере Средних Веков; но вкус его был тоньше, мистика — чище и серьезнее. Он открыл мне Ронсара и поэтов плеяды, поддержал во мне и углубил мою всегдашнюю любовь к Мюссэ, которого презирал Брюсов, объяснил мне Винье, Ламартина, Бальзака. В то же время прилежное изучение Гомера и Софокла очищало мой вкус. Брюсов не любил Софокла. На мой вопрос, кого из трагиков Греции он предпочитает, Брюсов отвечал: «Конечно Эхила. Терплю Еврипида, Софокла презираю». Поклонник Вергилия, он выражался об Овидии так: «Это был просто несносный болтун». Но чем больше вкушал я Софокла и Ронсара, тем более «кровожадность» и «сладострастные пытки» Брюсова казались мне грубы. Особенно оттолкнула меня книга рассказов Брюсова «Земная ось»⁷⁴, где местами он спускается до уровня какого-нибудь Мирбо.

Летом 1906 г. Брюсов пожелал навестить меня и Белого в подмосковном имении моей бабушки, под Крюковым⁷⁵. Бабушка моя Александра Григорьевна Коваленская, известная детская писательница, была замечательной женщиной своей эпохи⁷⁶. Хотя ей было за 60 лет, она сохраняла свежесть ума и живо интересовалась всем новым в искусстве. К Брюсову она относилась с большим предубеждением; не протестуя против приезда «учителя», как я шутливо называл Брюсова, она ожидала увидеть какого-то неприличного человека, развратителя юношей.

К вечеру Брюсов в соломенной шляпе въехал в ворота, осененные чуть желтеющими липами. Я сразу провел его в старую библиотеку XVIII в., с портретами и коричневыми рядами полок. «Не ободрал ли Вас извозчик, Валерий Яковлевич?» — «Ну, конечно, как новое здесь лицо, я переплатил». — «Что же он с Вас взял?» — «Рубль с четвертью». Мы, постоянные жители, никогда не платили менее полутора рублей, Брюсову сразу удалось выторговать четвертак.

Пошли гулять на пруд. Брюсов с Белым бегали наперегонки; видно было, что «горожанин» Брюсов желает в деревне вести себя по-деревенски⁷⁷.

За вечерним чаем Брюсов рассказывал о Швеции, откуда только что вернулся⁷⁸, говорил о шведском языке, и очень заинтересовал

мою кузину Марию Викторовну Коваленскую, переводившую со шведского⁷⁹. Она была очень интересна в этот вечер, с красными цветами в распущенных черных волосах, и бабушка в тревоге следила за Брюсовым, ожидая, что «учитель» примется за свои «ласки» и «пытки». Но, конечно, было совсем наоборот. Брюсов не только был изысканно почтителен и с бабушкой, и с внучкой, но даже во всех спорах принимал сторону старушки против меня и Белого. «Нет, я совершенно согласен с Александрой Григорьевной: одно дело — форма, а другое — содержание». Я прочел новый лирический отрывок в ритмической прозе, от которой Белый раньше был в полном восторге. Брюсов нашел, что эта вещь никуда не годится, моя бабушка грустно с ним согласилась, и я сам, и Белый тоже согласились. Затем «учитель» «разверз уста». Он прочел цикл новых стихов: дивные «Сады Гесперид», «Фаэтон», картинки Швеции, где была рифма «Дарлекарлии» <sic!> и «состарили»⁸⁰, и о встрече Магдалины со Христом в саду⁸¹. Как сейчас слышу его голос, произносящий эти прекрасные слова:

Но души женщин не устанут
Как горный ключ точить любовь⁸².

И в заключение настоящую песнь Клингзора, полную волшебства и ужаса:

И сквозь сумрачные сети, что сплели высоко буки,
Проходящий луч луны,
И в его волшебном свете чьи-то груди, чьи-то руки
Беззащитно сплетены⁸³.

Волшебный мир возник прельстительным миражом, Брюсов уронил голову и зловеще, выделяя каждое слово, закончил:

Голгофа кончена. Свершилось. Мы — в аду.

Моя бабушка была в полном восторге и не заметила ни «сплетенья рук», ни кошунственной «Голгофы».

Очаровав и пленив, Брюсов отправился спать во флигель. Прощаясь с ним, я рекомендовал его вниманию том латинских *poetae minores*⁸⁴ и оставил для просмотра тетрадь моих стихов. Мы разошлись спать по разным комнатам. На другое утро, за прогулкой, он много говорил о Швеции, о ее призрачности, о том, что она —

родина духовидцев, напр. Сведенборга. «А Италия Вам близка?» спросил я. «О, Италия много значила для меня в молодости, но не теперь. Латинская магия совсем другая, чем шведская. В Швеции все призрачно, а в Риме делают восковую куклу и ее прокалывают, как в эклоге Вергилия»⁸⁵.

Мы закусили яблоком в доме моих друзей, пожилых дочерей священника. Младшая из них, очень чуткая и нервная, вдруг пожелала поговорить с Брюсовым наедине⁸⁶. После минутной аудиенции Брюсов вышел, очень задумчиво и заинтересованно смотря вдаль. Потом я узнал, что речь шла о его стихах и на восклицание: «какие у Вас страшные стихи!» Валерий Яковлевич ответил: «О, это только опушка леса! Можно написать и я напишу гораздо страшнее». Вообще он всегда говорил, что еще только собирается писать настоящие стихи. По дороге зашла речь о таинственном. Брюсов признавался, что у него есть один неодолимый страх: «Это — папоротник. Когда я в лесу набреду на заросль папоротников, я обращаюсь в паническое бегство. А знаете какое печатное слово я впервые прочитал в детстве? Это было слово: чума. Я боялся чумы, от меня про нее скрывали, и вдруг я прочел в газетах: чума. В ужасе я побежал к родителям, с криком: чума! чума!».

От учителя гимназии Поливанова, где учился Брюсов, Леонида Петровича Бельского⁸⁷ я знал о трагическом событии, пережитом Брюсовым в 8-м классе гимназии. У него была невеста, и она умерла от какой-то страшной болезни, кажется черной оспы⁸⁸. Брюсов был так расстроен, что Бельскому с трудом удалось уговорить его держать выпускные экзамены. Этот факт многое объясняет в «могильной» поэзии Брюсова.

Зашла речь и о вампирах. Брюсов говорил о вампиризме как научном факте: «есть некоторые признаки, по которым можно узнать, что вампир пьет у вас кровь: появляется сонливость, недомогание и т. д.».

Запрягали лошадей, и мы сели на несколько прощальных минут в библиотеке.

«Я уже успел ознакомиться вот с этой частью библиотеки», указал Брюсов, «очень интересно. Посмотрел и римских поэтов, особенно мне понравился Пентадий⁸⁹. Теперь о Ваших стихах». Он посмотрел на меня пристально и жестко. «Интересно, да, очень интересно, но в них нет того, что Державин называл “парением”»⁹⁰. Он процитировал стих. «Этот стих не парит». Впрочем один только поэт не писал плохих стихов, это Бодлер. А например у меня:

На теле, розовом и белом,
Как кровь горели капли роз⁹¹.

Здесь три ошибки». Он говорил, как будто оставлял нам завещание, как будто он никогда больше не придет. «А весь секрет поэзии в умелом пользовании аллитерациями. В этом сила Вергилия, Вячеслава Иванова. И у меня например: берег вечного веселья⁹²». Простился и укатил.

«Учитель мне очень понравился», объявила моя бабушка за обедом. Но у меня и Белого на душе был мутно. После того, как мы разошлись спать, я вошел к Белому со свечей и спросил: «ты не слышишь каких-то стуков?» — «Да, слышу» отвечал Белый. Мы немного поговорили, стуки замолкли.

Через четыре месяца флигель, где провел ночь Брюсов, сгорел со всей библиотекой.

V.

В стихотворении «Фазтон» Брюсов точно выразил свое настроение 1906 года:

Я вижу с высоты зенита
Со всех сторон отвесный скат, —
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат.

Поэт Ходасевич осенью 1906 г. говорил мне про Брюсова: «его шведские стихи хуже прежних. Он как-то успокоился». Но «на высоте зенита» еще стоят «Все напевы»⁹³ — книга успокоенная, гармоническая, осенняя.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними небосклона
Синий круг без облаков⁹⁴.

Ах, в лесу, где шепчут воды, вновь составить хороводы
Легких братьев и сестер,
Но никто не слышит зова, и шумит кругом сурово
Поредевший, строгий бор⁹⁵.

Брюсов становился маститым; из прежнего дерзкого новатора он превращался в один из «столбов» московского общества, дружил с Южиным, со Струве⁹⁶, с профессорами. Он становился гораздо проще, начал есть мясо и курить. Он шел к тому, чтобы стать академиком, увенчанным национальным поэтом, как Верхарн. Много занимался наукой, изучал Древний Рим и Эгейскую культуру, готовил книгу статей *Aurea Roma*⁹⁷. Но эта книга не появилась, а накопившийся материал послужил для великолепной статьи об Авзонии⁹⁸ и для большого прекрасного романа «Алтарь победы»⁹⁹. В то же время рушились некоторые замыслы: был начат и брошен роман «Семь смертных грехов». Брюсов говорил мне, что у него написана лишь первая глава: «Скупость»¹⁰⁰. Не написана была и анонсированная повесть «Женщина с бичом»¹⁰¹.

«Весы» приходили в упадок. Брюсов отказался от писания рецензий о стихах и передал это дело мне. В начале 1909 г. было решено устроить коллегиальное редактирование «Весов»¹⁰². Зимним вечером мы с Белым и Эллисом заседали у Брюсова. Чувствовалась близость конца «Весов», конца скромной квартиры на Цветном бульваре. У Белого сильно болела голова. Заметив это, Брюсов торопливо послал в аптеку за лекарством. Скоро начался разлад в редакции. Поляков, Балтрушайтис, Белый и Ликиардопуло готовы были восстать против Брюсова и свергнуть его диктатуру, но Эллис и я решительно отказались изменить дорогому «учителю». Желая как-нибудь оживить «Весы», решили пригласить в сотрудники Горького, и Белый написал сочувственную рецензию на его «Детство»¹⁰³. Весной 1909 г. я получил от Брюсова милое письмо, где он писал, что мы работаем с ним в одной области: он над Римом, я — над Византией IV-го века¹⁰⁴. Летом Брюсов уехал в Савойю. Жанна Матвеевна жаловалась мне перед отъездом: «я люблю летом жить попроще, в деревне, а Валерию Яковлевичу непременно нужно за границу, табльдот и быть застегнутым на все пуговицы».

Кончились «Весы». Брюсов стал заведовать литературным отделом «Русской Мысли»; с Цветного бульвара переехал на новую квартиру на Большой Мещанской. И в этом выборе места для квартиры сказалась его обычная практичность: вдали от центра — и дешевле, и спокойнее: не так одолевают посетители.

Зимой 1910–1911 г. я иногда встречал Брюсова в Обществе Свободной Эстетики. Когда он прочел стихи «Олень святого Губерта» я сказал ему: «эти Ваши стихи мне нравятся более других»¹⁰⁵. «Я это знал», скупающе ответил Брюсов.

С 1912 г. я потерял Брюсова из вида и не встречался с ним 10 лет.

VI.

Густая мгла сентябрьского вечера сгушалась в подвальном этаже «Дворца искусств», теперешнего ВЛХИ¹⁰⁶, где в то время помещалась кухня и столовая для студентов и профессоров. Валил пар от кастрюлей, дымили папиросы, слышался смех, декламация стихов. Вдруг все затихли. Я обернулся от стола: передо мной молча стоял высокий седой человек — я узнал в нем «учителя» моей юности. Но он меня не узнавал, и только когда я назвал мою фамилию, махнул рукой, сморщился и рассмеялся.

Три года потом я преподавал в институте Брюсова¹⁰⁷, и по прежнему любовался изящной выделанностью его манер, его неутомимой деятельностью, его умением проводить заседания. Он был сед, но, благодаря своей активности, сохранял молодой вид. Казалось, у этого человека нет ни одной свободной минуты: все рассчитано. Управление, заседания, протоколы, ссылки на параграфы декретов — во всем этом Брюсов купался, как в родной стихии. По прежнему он нагонял страх на молодежь. На экзаменах это был какой-то палач, терзавший трепещущих барышень и юношей из провинции. «Ваша командировка! покажите! она просрочена!» Брюсов наконец достиг профессорства, о котором мечтал с юности (он был оставлен при Университете по кафедре истории профессором В.И. Герье¹⁰⁸), и действительно, как профессор греческой и римской литературы, он был очень на своем месте. К классицизму у него была какая-то страсть. Однажды я спросил его, знает ли он одного маленького латинского поэта, Рутилия¹⁰⁹. Ожесточенное и сухое лицо Брюсова вдруг озарилось детски-блаженной улыбкой: «Еще бы! ах, какой это поэт!». Иногда я пробовал с ним спорить, но ясно было, что он уже не интересуется возражениями, что он замкнулся в круге собственного мирозерцания. Не думаю, чтобы он мог дать что-нибудь новое в поэзии, но, казалось, пришла пора, о которой он мне говорил 20 лет тому назад: «если я доживу до старости, то, как Жуковский переводил «Одиссею», буду переводить «Энеиду»». Над «Энеидой» он трудился всю жизнь, но все оставался недоволен своим переводом и не решался издать его в свет: перedelывал вновь и вновь¹¹⁰. Он говорил мне, что у него уже почти готов новый большой роман из римской жизни «Юпитер поверженный»¹¹¹. Но... протоколы, заседания... Главпрофобр, моно, вцик...¹¹² а из груди вырывается глубокий жуткий кашель, и на лице — тень близкой смерти.

Весной этого года он стал очень сосредоточен, печален и мягок. Он уходил. Когда осенью пришло известие о его сильной болезни, никто из близко знавших его не сомневался, что это — конец. (И надо сказать, что 50 лет жизни очень много для человека, жившего таким напряженным темпом, как Брюсов, превращавшего каждый миг в дело, писавшего по нескольку томов в год и упивавшегося всеми экзотическими ядами Вавилона, Средних веков, современного Парижа.)

VII.

Рим навсегда зачаровал Брюсова. От римлян взял он эту культуру воли, действия, неустанного стремления к намеченным целям. Созерцая в Риме развалины древнего форума, он говорил:

Строений этих камень каждый
Напоминает мне: вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути¹¹³.

И он шел к этой «намеченной мете». Во-первых, внутри самого себя: возделывал свой талант, обламывая свой стих как мрамор. Он любил ссылаться на то, что Микель-Анджело изваял своего Давида из самой безобразной, не поддающейся обработке глыбы. Во-вторых, во внешней жизни: выделявая свои манеры, свои отношения с людьми, заключая выгодные ему коалиции и разбивая их, вербуя отряды своих ничтожных поклонников и уничтожая их в нужный час. Но здесь он перешел границы: его «выделанность», его «ремесленность» начала убивать поэзию, из поэта он превратился в «ритора», в «литератора», подобного Авзоню.

Когда читаешь его «Алтарь победы», то живешь в Риме IV-го века, и «Мост Проба», «Холм Садов», «однообразные виды Этрурии» становятся также знакомы, как «Каменный мост» и «Девичье поле». Он тщательно изучал римскую историю со всех ее сторон: бытовой, политической, экономической. Однажды он с увлечением рассказывал мне, что достал книгу, где говорится о сношениях Рима с Китаем при Антонинах¹¹⁴. Любимой его мыслью было, что расцвет римской империи относится не к эпохе Августа, а к эпохе Траяна и Диоклетиана, когда Рим стал aurea Roma — золотоголовым Римом. Ему близки были настроения последних римлян, но не энтузиастов, вроде Лукана, а охлажденных скептиков и риторов, вроде Симмаха и Авзония. Любил он и римских генералов, особенно

Цезаря и Антония. В «Алтаре победы» так живо описано сражение римских легионов, как будто автор был его участником.

Мне вспоминается одна картина. В сумерках февральского вечера Брюсов в кабинете ВЛХИ играет в шахматы с И.С. Рукавишниковым¹¹⁵. Силы противников равные, оба — замечательные игроки. Брюсов в меховом воротнике сидит откинувшись, как тигр, подстерегающий добычу. Он двигает турой, и вероятно в его мечтах носится Цезарь, наносящий удар Помпею. Но в этом римско-классическом стиле — только одна сторона Брюсова, та, которой он любил повертываться к людям. «Urbi et orbi» и «Огненный ангел» слишком ясно говорят о «безумиях», диких и мрачных оргиях его духа, о его тяготении к магии Египта, Вавилона и Средних Веков. Мечта о будущем человечества волновала его с ранних лет. Многое он пророчески верно предвидел и указал. В замечательной поэме «Замкнутые», написанной в первые годы столетия, он предсказывает полное разрушение форм современной цивилизации:

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик!
Как будет весело дробить остатки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

В рассказе «Республика Южного Креста» изображается великолепный город, искусственно созданный среди полярной пустыни южного полюса. Внезапно в нем разражается психическая эпидемия — болезнь противоречия, — *mania contradiciosa*¹¹⁶, все, кто не успел бежать из города, гибнут. Машины бездействуют, город погружается во тьму и наполняется сумасшедшими:

«Какие-то темные, атавистические чувства оживали в душах этих городских обывателей, и полунагие, немые, нечесанные, они плясали хороводами пляски своих отдаленных пращуров, современных пещерным медведям, и пели те же дикие песни, как орды, нападавшие с каменными топорами на мамонта».

В драме «Земля» будущее человечества рисуется, как громадный город. В людях пробуждается жажда земли и солнца, они подымают крыши всемирного города, не рассчитав того, что над ним нет атмосферы, и последние люди погибают в корчах.

Брюсов всегда был скептиком и пессимистом:

Неколебимой истине
Не верю я давно,

И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно¹¹⁷.

Этим объясняется кажущаяся смена его мирозерцаний. Но он не мог менять мирозерцания, потому что для него «неколебимой истины нет», «быть может, все в мире лишь средство для ярко-певучих стихов»¹¹⁸.

Он был европейцем, что сказывалось во всех мелочах его обихода, в его стремлении быть застегнутым на все пуговицы, в его отвращении к излишним чувствам, к разговорам «по душам», в его чопорности и аккуратности, которыми он напоминал какого-нибудь банкира из Сити. Характерно, что лучшие его вещи относятся к жизни Европы, древней и средневековой («Алтарь победы», «Протесилай умерший»¹¹⁹, «Огненный ангел») и все его попытки написать рассказ из русской современной жизни окончательно беспомощны и часто являются стилизациями «Повестей Белкина». Он даже не может подобрать русских имен для своих героинь: одна называется «Мара», а другая «Кет»¹²⁰.

Торопливо шел я на Запад,
Она — на Восток¹²¹, —

писал он еще в юношеской «Tertia vigilia».

Его работа в «Весках» сводилась главное к тому, чтобы ознакомить русскую публику со всем новым во французской и немецкой литературе, привить русскому стиху те формы, которые уже выработаны на Западе.

В позднейшей книге «Зеркало теней» (1912 г.) он указывает на полную противоположность и несовместность культур Азии и Европы:

Того, кто едет на верблюде,
Не наши колыхают сны,
И не о нашем просят чуде
В час боя рыцари луны.
.....
Вы все, учившие Гомера,
Приявшие, что дал нам Рим,
Кому одна сияла вера
Лучом таинственным своим,
Смотрите: древняя химера
Дыханьем дышит огневым.

За лики гордые Шекспира,
За Рафаэлевых Мадонн,
Должны мы стать на страже мира,
Священного для всех времен¹²².

Потому Брюсов прошел мимо романтического народничества Блока и Белого.

Но едва ли Брюсов придавал серьезное значение своей антитезе: Европа и Азия. Вернее, она была для него также одним из «средств для ярко-певучих стихов». Мы не думаем, чтобы «Рафаэлены Мадонны» говорили ему более, чем «Астарта», «Изида», «Тот», которым посвящены волшебные гимны его «Венка». Как римлянин эпохи Империи, в сенате он отстаивал «древнюю римскую доблесть», а ночью тайно ходил в какой-нибудь храм Сераписа или Митры.

Уже в одном некрологе было отмечено крайнее одиночество Брюсова, одиночество везде¹²³: в «зале веселья», где он ловил черты Анадиомены в подходящей к нему проститутке¹²⁴; на театре войны, где он живет корреспондентом «Русских Ведомостей» и пишет изящные отчеты в стиле записок Цезаря о Галльской войне¹²⁵; на заседании Общества Свободной Эстетики, где он читает московским домам об Египетских ночах Клеопатры¹²⁶; на заседании ВЛХИ, где он ссылается на параграфы последних декретов.

Отступи, как отлив, все дневное пустое волненье!
Одиночество, стань словно месяц, над часом моим!
Слышу: смутно рокочут с волной уходящей камня,
Вижу: алый, закатный туман превращается в дым.
И я упьюсь последним счастьем:
Быть без людей, быть одному¹²⁷.

Раз он меня встретил фразой: «с сегодняшнего дня я не велел никого впускать: люди — самая ужасная порода животных». И от этого одиночества — глубокая грусть и усталость, которые можно было прочесть в его глазах, глазах затравленного волка, откусывающегося от своры напавших на него собак. Брюсов сам кусал, кусал больно, и оттого создал себе столько врагов, врагов непримиримых. Но иногда лицо этого волка или диктатора вдруг озарялось такой доброй, детской улыбкой, что нельзя было не полюбить этого человека. И эта неожиданная доброта иногда сияла в его стихах, в его милых детских песенках, где он обращается к кроту с увещанием

быть осторожнее в работе, так как и ему, поэту будет немного грустно увидеть «черный трупик возле пня» («Семь цветов радуги») ¹²⁸, или где он говорит о том, как любит помогать слепому перебираться через улицу среди экипажей («Tertia vigilia») ¹²⁹. Среди кошмарных «Таинств ночей» и сладострастных пыток «Urbi et orbi» вдруг звучат какие-то подлинно-небесные голоса:

О, как я мог пожертвовать тобой,
И женщине из плоти и из крови
Как предпочел небесный образ твой! ¹³⁰

Или по поводу готических окон Notre Dame:

И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней? ¹³¹

Но эти звуки смолкают, краски гаснут, и поэт изнемогает в безводной пустыне, полной миражей и дьявольских голосов:

Зной горит и губы сухи,
Дали строят свой мираж:
Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: ты наш! ¹³²

Таков был этот человек, сплетение противоречий, человек 20-го века, певец города, машин и фабрик, упивавшийся всеми культурами прошлого, гениями всех стран и веков. Как Леонардо да Винчи, он был влюблен в аэропланы; как Леонардо забрасывал искусство для математических вычислений, стремился «мертвым циркулем измерить возможность невозможных грез» ¹³³ и «проверить таинство смерти» ¹³⁴. Космография вдохновляла его на прекрасные стихи:

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам уделя,
Никогда не спит в покое
Солнцу верная земля.
Солнце, искра в сонмах млечных,
Направляет путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.

(«Царю северного полюса»).

Брюсов часто надевал маску «позитивиста», но не то же ли самое изобразил он у Агриппы Неттесгеймского в романе «Огненный ангел»? Таким Агриппой держал себя Брюсов в начале 900-х годов, и трудно прибавить что-нибудь к мастерской характеристике его, сделанной Андреем Белым:

Ты над книгой тайн изогнут,
Бледный оборотень, дух!
Грустен взор, сюртук застегнут,
Горд, серьезен, строен, сух¹³⁵.

¹ Высший литературно-художественный институт, организованный (в 1921) и возглавлявшийся Брюсовым. См. также примеч. 106.

² Из стихотворения Брюсова «Фаэтон» («Как в полдень колесница Феба...»).

³ Два ключевых стихотворных сборника Брюсова: М., 1903 и М., 1906 соответственно (оба под маркой издательства «Скорпион»).

⁴ Легендарный впоследствии моноστιх впервые напечатан на отдельной странице третьего выпуска сборника «Русские символисты» (М., 1895. С. 13).

⁵ В.С. Соловьев отзывался рецензиями на все три выпуска «Русских символистов» (Вестник Европы, 1894. № 8. С. 890–892; 1895. № 1. С. 421–424; № 10. С. 847–851; все — с подписью Вл.С.). Прочитав вторую из них, Брюсов напутствовал приятеля: «Напиши, наконец, мнение о втором выпуске! Читал ли “Вестник Европы”, статью Соловьева о нем (1895. № 1)? — Боже мой, он так уничтожил нас, что и ключев не осталось» (письмо к В.К. Станюковичу от 5 января 1895 г.: *Станюкович В.К.* Воспоминания о В.Я. Брюсове / публ. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // [16, с. 733]). Несмотря на их содержание и насмешливый тон, эти рецензии, благодаря тиражу и репутации «Вестника Европы», сыграли значительную роль в популяризации декадентства; много лет спустя Брюсов писал, вспоминая про выход «Русских символистов»: «Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их выселял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде всего меня, известными широким кругам читателей» [8, с. 171]. В следующей фразе цитируется третья из соловьевских рецензий.

⁶ Соловьев умер 13 июля 1900 г., т. е. через пять лет после них. Брюсов был на похоронах, записав в дневнике: «Умер Вл. Соловьев. Бартечев звал его хорошо, и мы были с П.И. на похоронах. Так суждено мне было встретиться с критиком моих первых стихов. А я мечтал — и часто — о личных беседах. “Но он бы вас соблазнил”, — сказал мне Бартечев. Я поцеловал в руку своего случайного врага и ценного мной поэта и мыслителя. Бартечев предложил мне написать статью о поэзии Вл. Соловьева» [7, с. 89–90].

⁷ Русский архив. 1900. № 8. С. 546–554.

⁸ Соловьев цитирует финал статьи, вероятно, по памяти; в оригинале: «И к властному голосу Вл. Соловьева прислушивались, как к словам учителя; за ним признавали право судить... Смерть неожиданно прервала эти столь нужные нам поучения. Но чтобы остеречься от лишних сетований, вспомним, что сам он пытался угадать смысл и нравственную необходимость даже в выстреле Дантеса, разрушившем “божественный фиал”, как “сосуд скудельный”» (Там же. С. 554).

⁹ Брюсов познакомился с родителями мемуариста осенью 1900 г.; ср. в ретроспективной записи за октябрь: «У Шестеркиных видел М.С. Соловьева (брата Владимира) и жену его, Ольгу Михайловну, переводчицу Рёскина и Уайльда. Она интереснее его. Я умело изображал перед ними “афориста” (от “афоризм”) и до-

статочно пленил их удивление. Она набивается работать в “Скорпионе”» [7, с. 92]. В сентябре следующего, 1901 г. там же появилась запись: «Был у меня Мих. С. Соловьев, благодарил за статью о Вл. Соловьеве и привез первые томы его сочинений; кроме того предлагал что-то для “Северных Цветов”. После я был у него. Жена его, Ольга Михайловна, “поклонница и жрица красоты”, мило болтала о Фете и Вергилии. <...>. Сын Соловьева, юный Сергей Михайлович, тоже мило беседовал о Корнеле и Расине» [7, с. 106].

¹⁰ «Она имеет во чреве» (*лат.*). Стихотворение «Habet illa in alvo» («Ее движение непроворны...») вошло в «Urbi et orbi».

¹¹ Стихотворение «В ответ» из того же сборника.

¹² Стихотворение «Призыв» («Приходи путем знакомым...») было написано в 1900 г., но впервые напечатано только в 1906 г. По поводу этого стихотворения Соловьев писал Блоку: «Я вижу у Брюсова весьма последовательную цепь противостественных настроений. Начинается с любви к живым трупам, кончается уже определенной любовью к настоящему трупу» (цит. по: [13, с. 375]). Впрочем, в письме к самому автору он отзывался о нем иначе: «Думая о Ваших стихах, заметил в них Леонардовскую черту. В Вас сильно сладострастие познания, вы зорко проникаете туда, куда страшно и не надо заглядывать.

Смерти таинство проверь.

Это “проверь” так гениально, что трудно о нем говорить. Тут замечательна именно математичность слова. И основательная дьявольщина» (письмо от 10 марта 1905 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 1 об.–2).

¹³ Эпатировать буржуа (*франц.*).

¹⁴ Возможно, речь идет о стихотворении «Туманные ночи» («Вся дрожа, я стою на подъезде...») из второго издания первой книги Брюсова «Chefs d'oeuvre» (М., 1895. С. 43); в подготовительных материалах к неосуществленному собранию сочинений этому стихотворению предпослан эпиграф: «Огонь горит, но пламя возносится с дымом» (см.: *Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. С. 577).

¹⁵ Письма Брюсова к М.С. Соловьеву не сохранились или не разысканы. Из ответных известны два письма — от 15 ноября 1901 г., посвященное предстоящей публикации «Симфонии» А. Белого (в литературе оно обычно цитируется как «недатируемое»), и от 30 октября 1902 г.:

«Дорогой Валерий Яковлевич,

Думал быть у Вас сегодня вечером, но простудился и должен посидеть дома. Надеюсь, что удастся побывать в следующую среду <sic!>, а теперь посылаю Вам: 1) V том брата, 2) Стихотворения Блока, 3) Стихотворения и отрывок из мистерии Бугаева “Антихрист”, который, как сами увидите, лучше бы назвать “Пришедший”.

Большое спасибо за “Tertia Vigilia”» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 22. Л. 3–4).

¹⁶ Может быть, это пересказ фразы из письма Брюсова к А. Белому, написанного за несколько дней до смерти Соловьева: «Дорогой Борис Николаевич! Заходил я к Михаилу Сергеевичу и узнал, что он очень болен. Уверен, что это минет, между прочим уже потому, что еще неизменно хочу говорить с ним о многом» [16, с. 351].

¹⁷ Михаил Сергеевич Соловьев умер 16 января 1903 г.; его жена, мать С.М., в тот же день покончила с собой. Брюсов записал в дневнике: «Совсем было собрался я уезжать в Петербург, как случилась смерть М.С. Соловьева и Ольги Михайловны. Я был на похоронах. Бугаев держал себя торжественно, Сережа очень странно» [7, с. 129].

¹⁸ Неподписанный (но позже включенный в брюсовскую автобиблиографию) некролог напечатан: Новый путь. 1903. № 2. С. 202–203. Брюсов писал: «16 января скончался в Москве Михаил Сергеевич Соловьев, брат философа Вл.С. Соловьева. Жена покойного М.С., Ольга Михайловна, узнав о кончине мужа, поспешно удалась в свою комнату, и через несколько минут ее нашли там тоже мертвой. Их хоро-

нили вместе, в Новодевичьем монастыре. Смерть их произвела большое впечатление в Москве. М.С. был небезызвестен в литературе. Он составил прекрасный указатель к “Истории России” своего отца, С.М. Соловьева, а последние годы занимался редактированием собрания сочинений своего брата Вл. Соловьева и продолжением его перевода “Творений Платона”. М.С. был очень образованный человек и, между прочим, прекрасно знал еврейский язык. О.М. Соловьева была художница и переводчица. <...> Гостиная Соловьевых была маленьким литературным салоном, где собирались молодые поэты. Иные из них многим обязаны советами и тонкому вкусу как М.С., так и О.М.» (С. 202).

¹⁹ Имеется в виду письмо Блока от 21 октября 1904 г.: «Почему ты придаешь такое значение Брюсову? — Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особенно от меня, который еле выкарабкивается из-под тяжести его стихов. Но ведь “что прошло, то прошло”. Год минул как раз с тех пор, как “Urbi et orbi” начала нас всех раздражать пополам. Но половинки понемногу сплеиваются, раны залечиваются, хочешь другого. “Маг” ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в “разрыве туч” появится его очертание» [18, с. 381].

²⁰ Ср. в описании кабинета Брюсова в следующей квартире: «в простенках те же небольшие картины и рисунки — подарки Брюсову от Сапунова, Волошина, Зака и других художников, те же портреты любимых поэтов: Пушкина, Тютчева, Владимира Соловьева, Верхарна» (*Ильинский А.А.* Заметки о Брюсове // Брюсовские чтения 1963 г. Ереван: Айастан, 1964. С. 523). И мраморный бюст, и портрет видны на фотографии опустевшего кабинета, опубликованной в траурные дни: Красная нива. 1924. № 43. С. 1041.

²¹ Бронислава Матвеевна Погорелова (урожд. Рунт; 1885–1983), переводчица, редактор, мемуаристка. В письме к Брюсову от 17 августа (вероятно, 1907 г.) Соловьев передает привет «покровительнице и заступнице моей Брониславе Матвеевне» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 16).

²² Поэт Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945) был в Москве осенью 1903 г.

²³ «Медея» («На позлащенной колеснице...») и «Конь блед» («Улица была как буря. Толпы проходили...») вошли в «Венок».

²⁴ Из стихотворения «Медея» («На позлащенной колеснице...»).

²⁵ Из стихотворения «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...».

²⁶ Трагическое для русской армии сражение при Ляояне произошло 11–13 августа 1904 г.

²⁷ Первые строки стихотворения «К согражданам».

²⁸ Первые строки стихотворения «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая».

²⁹ Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925), главнокомандующий русскими войсками в русско-японскую войну.

³⁰ О работе Михаила Федоровича Ликиардопуло (1882–1925) в «Весях» см.: [14].

³¹ Из названных лиц, возможно, нуждается в комментарии поэт, библиофил, переводчик и книговед Максимилиан Яковлевич Шик (1884–1968). Четвертым участником был Георгий Леонидович Малицкий (1886–1953), одноклассник, друг и корреспондент А.Я. Брюсова (младшего брата поэта) и Ходасевича; библиограф (см. сделанный им обзор: *Малицкий Г.* Библиографические справочники по музейному делу // Казанский музейный вестник. 1922. № 1. С. 47–54); архивист (соавтор кропотливого описания: *Малицкий Г.Л., Щепкин В.Н.* Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М., 1915 (отдельный оттиск из Отчета Российского исторического музея за 1914 г.); этнограф (*Малицкий Г.* Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства. (В росписи и резьбе). С 25 рисунками. Казань, 1923); поэт (единственное разысканное стихотворение: Круговая чаша. Русская поэзия «Серебряного века».

Антология / сост. В. Кудрявцев. Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2008. Т. 6. С. 248); впоследствии ученый секретарь Московского исторического музея, музеевед; приятель В.К. Шилейко (ср. регулярные его появления в эпистолярии последнего: *Шилейко В.* Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М.: Вагриус, 2003. 319 с.).

³² Об Александре Яковлевиче Брюсове (1885–1966), поэте и археологе, см.: [20].

³³ Одноименное стихотворение («Слышу, слышу шаг твой нежный...») из сборника «Венок».

³⁴ В печати стихотворение известно под заглавием «Тезей Ариадне» («Ты спишь, от долгих ласк усталая...») из того же сборника. В рукописи стихотворение действительно называлось «Ариадна».

³⁵ Аллюзия на рассказ Э.Т.А. Гофмана «Состязание певцов».

³⁶ «Дафна» («Бог Эрот, ярясь на Феба...») и «Видение св. Бернарда» («На окне раздернуты шторы...») — стихотворения, вошедшие в первый сборник Соловьева «Цветы и ладан» (М., 1907).

³⁷ Первый стихотворный сборник Белого (М., 1904).

³⁸ «Как пьяные баядерки» (*нем.*). Это неточно процитированная первая строка стихотворения Шика «Regen» («Дождь»): *Schick M.* Regen («Wie trunke Bajadere...») // *Charon (Berlin)*. 1904. № 7. S. 108 (указано К.М. Азадовским).

³⁹ «Один раз» и «ты плачешь» (*нем.*).

⁴⁰ Вероятно, имеется в виду вечер 24 декабря 1904 г. В этот день Волошин записывал в дневнике: «Брюсов. «Пойдемте сейчас к Андрею Белому <...>. <...> У Белого Сер<гей> Соловьев. Чтение стихов и “Симфонии”» [11, т. 7, кн. 1, с. 184–185].

⁴¹ Почти наверняка Волошин читал знаменитый «Дождь» («В дождь Париж расцветает...») [11, т. 1, с. 23]. Настораживает, впрочем, что «феи» рифмуются здесь с «быстрее», что принуждает к традиционному произношению.

⁴² Вольное стихотворение Брюсова «Кинжал» («Он вырван из ножен и блещет вам в глаза...») сразу после публикации разошлось по революционным антологиям.

⁴³ Из стихотворения «К согражданам» («Борьба не стихнет. В каждом доме...»).

⁴⁴ Брюсов был и выступал на первом предварительном совещании избирателей в городскую думу по первому участку Москвы 3 ноября 1904 г. В хроникальном отчете упоминается среди присутствующих на заседании «известный литератор Валерий Брюсов» и приводится его реплика: «В. Брюсов возразил, что один совет выдающегося юриста может быть дороже постоянных посещений и бесконечных речей малоспособного адвоката» (На совещании избирателей // *Русский листок*. 1904. № 306. 4 ноября. С. 3). Впрочем, уже к концу ноября он разочарованно записывал в дневнике: «Был на заседании городской Думы. Похожего на парламент мало. Наиболее отделанные речи — это пустозвонство либеральных гласных... Дело ведется очень спустя рукава. В полтора часа почти без прений провели бюджет в 22 миллиона. Голосуют вставанием; кой-кто привстанет было, махнет рукой и вновь сядет. Считает на глаз писарь, который и шепчет цифру кн. Голяцину. И при таком счете дело решается большинством *одного* голоса» [7, с. 78]. Ср., кстати, суждение Соловьева из письма к Вяч. Иванову от 12 декабря 1906 (по смыслу) г.: «При всей моей любви к Брюсову я должен сказать, что его общественное направление мне не-симпатично. Тут пахнет 17-м октября и “мирными обновлятелями”. Этот запах я не многим прощаю. Кажется, только пожилым родственникам и Валерию Яковлевичу, который — гений, потому может иногда чудить. Но сам заражаться сим запахом я не желаю и эпического отношения к реакции не понимаю» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 60. Л. 1).

⁴⁵ Первые строки стихотворения Тютчева.

⁴⁶ Из стихотворения «Бальдеру Локи» («Светлый Бальдер! мне навстречу...»).

⁴⁷ Ср. в недатированном письме Соловьева к Блоку: «Теперь я не могу его <Брюсова> бояться: он на мой вопрос: “воскрес ли Христос?” — посмотрел грустными глазами и сказал: “Конечно, воскрес, Серг. Мих.! Я ни одной минуты в этом не сомневался. И, конечно, бог победит дьявола, но мне кажется как-то неблагоприятно становиться на сторону победителя”» [18, с. 389].

⁴⁸ Этот конфликт начался вечером 19 февраля 1905 г. Сам Белый вспоминал: «Снова увиделись мы с Брюсовым в феврале 1905 года, когда я <...> вновь появился в Москве; он явился как встрепанный, с молнией в глазах и с неприязнью в надутых губах; с дикой чопорностью сунув пальцы и вычертивши угловатую линию локтем, он бросил на стол корректуры, мои, прося что-то исправить; но видом показывал, что корректуры — предлог; кончив с ними, стоял и молчал, не прощаясь, наставив лбом на меня, точно бык перед красным, посапывая: бледный, весь в красных угрях.

Вдруг без всякого повода, точно бутылка шампанского пробкою, хлопнул ругательством, — не на меня: на Д.С. Мережковского, зная, что у этого последнего жил и что для внешних я в дружбе с ним; я — оборвал Брюсова; он, отступая шага на два, свой рот разорвал: в потолок:

— “Да, но он продавал...” — “что” — опускаю: ужаснейшее оскорбление личности Мережковского; я — так и присел; он, ткнув руку, весьма неприязненно вылетел.

Когда опомнился, — бросился тотчас за стол, написав ему, что я прошу ему, потому что он “сплетник” известный; ответ его — вызов: его секундант ждет в “Вессах” моего» [6, с. 513], см. там же на с. 680 подробный коммент. к эпизоду.

⁴⁹ Брюсов иногда произносил вместо ки — ти, явление, наблюдаемое у крестьян московской губернии. — *примеч. С.М. Соловьева.*

⁵⁰ Это случилось 22 февраля 1905 г. Текст записки: [16, с. 283]. Белый вспоминал по поводу этого эпизода: «Он взвешивал долго письмо; вдруг, являсь к Соловьеву, взволнованный, мягкий и грустный, уселся писать мне ответ примирительный, чтобы С.М. Соловьев передал его лично; в те дни клекотал Соловьеву, что хочется очень ему, “просияв”, умереть» [6, с. 514]. Примечательно, что Соловьев был назначен на роль примирителя тайным письмом жены Брюсова: «Много было злого за эту зиму. Одно из зол — вражда Брюсова с Белым. Как я знаю Вал. Як., он очень любит Бориса Николаевича. Но самые сильные бывают самыми слабыми. А Валер. Як. теперь под влиянием истинного врага Белого. Отсюда вражда.

Не удивляйтесь, Сергей Михайлович, этому моему письму. Мысленно я давно <веду> с Вами беседу об этом и вполне убеждена, что только вы захотите и только вы можете что-нибудь сделать. Вы знаете и любите их обоих. Мне бы хотелось, чтобы вы никому не говорили об моем желании прекратить вражду, но хотелось бы, чтобы вы что-нибудь для этого сделали. Иоанна Брюсова» (Недатированное письмо // РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 62. Л. 1–2; истинный враг Белого — Н.И. Петровская, о которой см. далее).

⁵¹ Соловьев сознательно умалчивает о крайне напряженных чувствах, перекрестно связывающих поименованных гостей: у Нины Ивановны Петровской (1879–1928) незадолго до этого закончился роман с Белым и только разгорались отношения с Брюсовым; Сергей Алексеевич Соколов (Кречетов; 1878–1936), будучи ее законным мужем, вряд ли взирал на это равнодушно. И только Сергей Александрович Поляков (1874–1943) был, вероятно, от этого сюжета далек.

⁵² Цикл из пяти стихотворений «Предания» напечатан: Северные цветы Ассирийские. М.: Скорпион, 1905. С. 44–50.

⁵³ В «Вессах» подписанных рецензий Соловьева на сборники «Знание» не появлялось (хотя журнал исправно рецензировал их, начиная с 1-го выпуска). Вероятно, под влиянием неудовольствия Соловьева Брюсову пришлось подписать его рецензию одним из своих обычных псевдонимов: *Пентаур <Брюсов В.Я.>*. <Рец. на кн.:> Сборник Товарищества Знание за 1904 год. Книга третья. Спб. 1905. Ц. 1 р. // Весы. 1905. № 2. С. 60–61. Может быть, впрочем, речь идет о рецензии на четвертый выпуск «Знания», подписанной «И. Смирнов» (Весы. 1905. № 4. С. 47–50).

⁵⁴ Переводы Соловьева из «Фауста» нам неизвестны; впрочем, в дальнейшем, когда ему требовалось процитировать текст, он, вероятно, приводил его в собственном переводе (см.: *Соловьев С. Гете и христианство. Сергиев Посад, [Б. и.], 1917. С. 19–20, 21 и др.*; среди цитат в неопознаваемом переложении попадаются и переводы А.К. Толстого). В 1928 г. Соловьев читал доклад, посвященный свежешедшей книге перевода первой части «Фауста», сделанной Брюсовым. Книга напечатана под маркой Госиздата (М.; Л., 1928); доклад сохранился в рукописи (РГБ. Ф. 696. Карт. 2. Ед. хр. 20). Судя по заголовку, он был прочитан 25 октября 1928 г. В это время было не так-то много институций, способных предоставить аудиторию для этой темы: из-за упоминания в тексте доклада И.К. Линдемана предполагаем, что это было Русское общество друзей книги, хотя в его хорошо документированной истории доклад и не упоминается. В начале доклада говорилось: «По форме Брюсов был учеником латинской и французской поэтической школы (как Пушкин и Баратынский), немецкий язык он знал плоховато; его поэзия определялась Виктором Гюго, парнасцами, Бодлером, Верленом, Верхарном, а не Стефаном Георге и Рильке. Но однако, как большой поэт, Брюсов умел ценить, словами Блока, “И острый галльский смысл, и сумрачный германский гений”. Шиллер оказал на него большое влияние (“Орфей и Эвридика”, “Ахиллес у алтаря”), у стен Кельнского собора ему и его возлюбленной казалось “мы не жили, но когда-то Генрих Гейне в стройных строфах пел про нас”» (РГБ. Ф. 696. Карт. 2. Ед. хр. 20. Л. 1). Один из выводов: «Перевод же “Фауста” несовершенен и не мог быть таким именно по причине этого отсутствия конгенности между поэтами, хотя мы постарались доказать, что этот перевод — лучший из существующих стихотворных переводов “Фауста” и уступает только переводу Фета в лирических частях. Перевод Тютчева был бы совершеннее всех, как можно увидеть по сохранившимся фрагментам» (Там же. Л. 3).

⁵⁵ В переводе самого Брюсова: «Мне покоя нет, // Томлюсь всегда»... «И ах! поцелуй!» (*Гете. Фауст / пер. Валерия Брюсова; ред. и коммент. А.В. Луначарского и А.Г. Габричевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 225, 226*).

⁵⁶ Вероятно, Брюсов читал перевод Веневитинова в книге: *Веневитинов Д. Полн. собр. соч. СПб.: В тип. О.И. Бакста, 1862. С. 145*. В его переводе монолог начинается: «Прости, мой покой! / Как камень, в груди / Печаль залегла. / Покой мой, прости!».

⁵⁷ Брюсов готовил переводы Байрона для собрания сочинений под редакцией С.А. Венгерова. «Первый поцелуй любви» напечатан: *Байрон Дж. Сочинение. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. Т. III. С. 460*. Он действительно подобрал семь рифм (по числу катренов): «волнуй», «уврачуй», «тоскуй», «ликуй», «струй», «горюй», «чаруй».

⁵⁸ Точнее «И, умирая, с уст его / Еще лобзанья рвать!».

⁵⁹ Сейчас принято говорить «гиксосы» (что более соответствует греческому оригиналу). Так называют племена, захватившие часть территории Египта в XVIII–XVI вв. до Р.Х.

⁶⁰ Этого стихотворения мы не знаем.

⁶¹ Из стихотворения «Последний пир» («Бледнеют тени. Из-за ставен...»).

⁶² Из стихотворения «Помню вечер, помню лето...».

⁶³ Это подтверждается мемуарами И.М. Брюсовой: «“Огненный ангел” писался наскоро, по мере печатания повести в “Весях”; некоторые главы сдавались в типографию по частям. Но обдумывал Валерий Яковлевич эту вещь долго. За много лет до ее печатания он говорил, что хочет писать роман “Ведьма”. Свое увлечение спиритизмом он объяснял как исканье подходящего материала и типов для этого романа. Для изучения эпохи романа было прочитано много книг. Много было разговоров о ведьмах. Помните, было какое-то увлечение этой эпохой. Даже Александр Яковлевич, брат Валерия Яковлевича, в те времена еще юноша, переводил какие-то трактаты о ведьмах» (Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929. С. 219).

⁶⁴ Три баллады Шиллера в переводе Соловьева («Кассандра», «Геро и Леандр», «Рыцарь Тоггенбург») напечатаны: Весы. 1905. № 5. С. 4–17.

⁶⁵ Финский цикл Брюсова «На Сайме» из восьми стихотворений вошел в «Венок».

⁶⁶ Из стихотворения «В полдень» («Свершилось! молодость окончена!...»); первое слово в оригинале «Паду».

⁶⁷ Подразумевается стихотворение Брюсова «Лик Медузы» («Лик Медузы, лик грозящий...»).

⁶⁸ Из стихотворения «Знакомая песнь» («Эта песнь душе знакома...»).

⁶⁹ «Erkbnig» — лесной царь (*нем.*). Это подзаголовок брюсовского стихотворения «В сквере» («Что ты здесь медлишь в померкшей короне...»).

⁷⁰ Не вполне так. До конца 1905 г. «Весы» вовсе не имели беллетристического отдела, который появился только в № 1 за 1906 г. (он же — № 12 за 1905). В № 2 за 1906 г. редакция приносила свои извинения за то, что не могла начать печатанием обещанный ранее роман Брюсова (при этом, неплохо изучив комплект «Весов», мы так и не нашли этого обещания). В № 11 за тот же год редакция сообщила, что роман начнет печататься с январского номера 1907 г., что и было осуществлено.

⁷¹ 9 августа (вероятно, 1907 г.) Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Я совсем ошалел от “Огненного ангела”. Это — самый совершенный русский роман, хоть конечно у Достоевского отдельные места ярче» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 46). Несколько дней спустя он писал уже самому автору: «Читаю Ваш роман с жадностью и благоговением. Ваша Сарраска — девица весьма мне по вкусу и весь шабаш — хоть куда! Говорить ли о том, что роман составит эпоху, как некогда “Капитанская дочка” и “Мертвые души”? Могу сделать один упрек. Не страшно, — как страшен Эдгар По. Слишком рационально, выявлено, нет неопределенной жути дьявольской, как у Гоголя и Гофмана. Но таков путь Вашего гения и не мне ставить ему законы. Математик Вы, Валерий Яковлевич! ох, какой математик!» (письмо от 17 августа 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 15; год в рукописи не проставлен, восстановлен по смыслу). Апологетическая рецензия Соловьева на роман напечатана: Русская мысль. 1909. № 3. Отд. III. С. 29–30. Ср., впрочем, в недатированном письме Соловьева к Белому: «А “Огненный ангел” опять разонравился. Не могу диавола читать. Кажется Брюсову просто больше не о чем писать. Нина Ивановна <Петровская> исчерпана» (РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 7. Л. 4).

⁷² См. примеч. 19.

⁷³ Пьер (Петр Иванович) д’Альгейм (1862–1922). В «Воспоминаниях» Соловьев писал: «Д’Альгейм был французский писатель, с резко выраженным мистическим уклоном, одновременно занимавшийся индусами, Сведенборгом, Ронсаром и его Плеядой и нашим Мусоргским. Человек этот имел большое влияние на мою жизнь, но это произошло значительно позже, уже в университетские годы» [22, с. 333–334]. 21 марта 1906 (? — год по содержанию) г. Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Петр Иванович Дальгейм привез мне своего “Rama”, чем произвел целый переворот в моей душе» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 14. Имеется в виду книга: Rama, le drame sacré de l’Inde — Le dénouement de l’histoire de Rama. P., 1906). И в том же письме: «Беседа с Петром Ивановичем очень меня укрепила и исполнила надежд» (Л. 15).

⁷⁴ Первое издание — М., 1907.

⁷⁵ Усадьба Дедово, ныне полностью исчезнувшая. 14 мая 1906 г. Соловьев писал Г.А. Рачинскому: «Проживаем с Борей в Дедове. Занимаем вдвоем мой родовой флигель. Усаждаемся тишиной, работаем. Пишем стихи в романтическом стиле, каждый на свой манер. Завтракаем и обедаем у себя во флигеле» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903. Л. 19).

⁷⁶ Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829–1914) — латифундистка, писательница. Выразительный ее портрет содержится в воспоминаниях Белого: [5, с. 17–21].

⁷⁷ Об этом же вспоминал и Белый: «В.Я. мы водили по полю; он, став вдруг шалун, предложил состязание: вперегонки; я показывал свое искусство в прыжках; тотчас он захотел меня в этом побить, перескакивая через куст; но был бит; увидав, как вбегаю я по наклоненному низко над прудом стволу, не держа за ветви, он тотчас испробовал это: с успехом <...>» [6, с. 515].

⁷⁸ Ср. в ретроспективной дневниковой записи Брюсова: «Летом полтора месяца мы провели в Швеции. Ехали через Петербург (где видел лишь Вяч. Иванова) на Стокгольм, жили сначала в Стокгольме, потом в Висби на Готланде, потом в Нью-сехэме, близ Стокгольма. Уехали раньше, чем думали, опасаясь всеобщей забастовки в России...» [7, с. 137]. Вернулись И.М. и В.Я. Брюсовы 22 июля 1906 г.

⁷⁹ Мария Викторовна Коваленская (в замуж. Бренева; 1882–1940-е), переводчица; троюродная сестра Блока и предмет его юношеского увлечения. См. о ней: [3].

⁸⁰ Дарлекарля (Далекарля) — провинция в Швеции. Имеется в виду стихотворение «Стокгольм» («Словно над глубями зеркала...»).

⁸¹ Стихотворение «Noli me tangere, Maria» («Прошел печально день субботний...»).

⁸² Из этого же стихотворения. В оригинале вместо «точить» — «струить».

⁸³ Из стихотворения «Обряд ночи» («Словно в огненном дыме и лица и вещи...»).

⁸⁴ «Младшие поэты» (*там.*) — общепринятый термин, не лишенный, впрочем, некоторой уничижительности.

⁸⁵ Речь идет о VIII эклоге Вергилия, где описан обряд приворога, в котором участвует восковая фигурка пациента. Впрочем, ее не прокалывают, а лишь, обвязав нитками, размягчают на огне.

⁸⁶ Это дочери Степана (Стефана) Борисовича Любимова (род. ок. 1820 ?; сведения из: <https://istra-ltc.ru/temple/nadovrazhino.htm>), священника села Надовражино: Авдотья Степановна, Александра Степановна и Екатерина Степановна Любимовы. Белый упоминает их в мемуарах: «<...> около Сержи стоит в эти годы Любимова, Александра Степановна <...> стройная, крепкая, с горьким, поблекнувшим ртом, черноглазая, черноволосая, с белыми зубами, — умница с “вкусами”, она пронизала все вздоги душевных изгибов Сержи; ей нес он себя; не боролся с вмешательствами <...>: Александра Степановна понимала и острую строку Валерия Брюсова, и ядовитость двусмыслицы Блока; простая, сердечная женщина эта увиделась нам символистской в противовес своей толстой сестрице Авдотье Степановне — ярой “общественнице” и двум “левым” племянникам; третья сестрица, Екатерина Степановна, трогала ясной, плывающей добротой» [5, с. 81]. Дочь поэта вспоминала: «Надовражное стоит в версте от Дедова; там, в маленьком домике на самой окраине, у церкви и пруда, жили три сестры Любимовы, дочери умершего деревенского священника. К тому времени как я, восьмилетняя, приехала на летние каникулы в Надовражное, в живых оставалась только младшая из сестер Любимовых — Александра Степановна, которую мы с сестрой называли тетей Сашей, а отец по укоренившейся с детства привычке — Зязей. Это она поселилась у семнадцатилетнего Сержи Соловьева по его просьбе после семейной трагедии — одновременной смерти отца и матери; с ней он делился в юности своими радостями и горестями, ей он посылал из Италии открытки с видами городов, которые посещал вместе с юной женой» (*Соловьева Н.С.* Штрихи к портрету отца // Шахматовский вестник. № 2. <1993>. С. 25). Умерла она около 1925 г.

⁸⁷ Леонид Петрович Бельский (1855–1916) был, помимо прочего, автором нескольких (по преимуществу детских) стихотворных сборников и первым переводчиком полного текста «Калевалы».

⁸⁸ Речь идет о Елене Андреевне Красковой, умершей от кори 4 мая 1893 г. См.: [17, с. 77].

⁸⁹ Несколько лет спустя Брюсов посвятит Пентадию отдельную работу: *Брюсов В. Пентадий*. (Страница из истории римской поэзии) // Русская мысль. 1910. № 1. С. 206–214.

⁹⁰ Это слово Г.Р. Державин использует несколько раз в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде»: «Гимн парением своим несколько ниже Оды», «В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений», «Но находятся однако оды, которые начинаются тихо и отчасу выше восходят своим парением», «Итак по сему понятию лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в беспрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление» (Сочинения Державина с объяснительными примеч. Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1872. Т. 7. С. 519, 523, 536, 537).

⁹¹ Из стихотворения «После пира» («Мы с дрожью страсти и печали...»).

⁹² Из стихотворения «Гесперидовы сады» («Где-то есть, за темной далью...»).

⁹³ М.: Скорпион, 1909.

⁹⁴ Из стихотворения «Август» («Здравствуй, Август, венчан хмелем...»).

⁹⁵ Неточная цитата из стихотворения «Осеннее прощание эльфа» («В небе благодать, в небе радость...»).

⁹⁶ Южин (Сумбагов-Южин) Александр Иванович (1857–1927) — актер, театральный деятель. С Брюсовым они вместе заседали в дирекции Московского литературно-художественного кружка. Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — высокопоставленный кадет, редактор «Русской мысли», публицист и политик.

⁹⁷ «Золотой Рим» (*лат.*). Книга была указана печатающейся («Aurea Roma. Золотой Рим. Очерки литературы и жизни времен Константина Великого и антология римских поэтов IV в. по Р.Х.») в каталоге «Скорпиона» 1910 г. и последующих. Следы ее подготовки сохранились в архиве: РГБ. Ф. 386. Карт. 48. Ед. хр. 11 (планы, наброски предисловия и первых семи глав); Ед. хр. 12 (хронологические таблицы).

⁹⁸ *Брюсов В. Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония* // Русская мысль. 1911. № 3. Отд. П. С. 1–48. Известны также отдельные отписки.

⁹⁹ «Алтарь победы» первоначально печатался в «Русской мысли» (1911. № 9, 11–12; 1912. № 1–7, 9–10); в 1913 г. вышел отдельным изданием в составе собрания сочинений, заняв тома XII и XIII. 23 апреля 1912 г. Соловьев писал Брюсову: «За романом Вашим следил всю зиму, хотя сам находился в условиях не лучших, чем Ваш герой, когда он сидел в Медиоланской тюрьме. Но он просидел месяц, а я уже шесть. Мне лично роман Ваш ближе “Огненного ангела”. Но мне кажется, что все чисто политическое больше захватывает, чем мистическое. А когда я читал сцену, где старый сенатор трусит идти в сенат и хочет выпить на дорогу, мне вспоминались лучшие места Флобера. Но примечания сильно расхолаживают» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 29). Возобновляя знакомство после долгого перерыва, Соловьев писал Брюсову: «Часто вновь и вновь перечитываю некоторые главы “Алтаря Победы”. <...> Не знаю, интересны ли Вам эти мои отзывы, но в искренности их Вы не станете сомневаться. Давно хотелось сказать Вам несколько слов по поводу “Алтаря Победы”, который так недостаточно оценен большой публикой, а составляет эпоху в истории русской литературы» [9, с. 550]; подписано «Когда-то Ваш знакомый священник Сергей Соловьев»).

¹⁰⁰ 25 января / 7 февраля 1909 г. Брюсов сообщал Н.И. Петровской: «Пишу повесть “Семь смертных грехов” — из “будущей” жизни, о которой говорят, что я в ней специалист» [10, с. 431]. Была окончена и опубликована лишь часть: Семь земных соблазнов. Отрывки из романа Валерия Брюсова // Северные цветы. М.: Скорпион, 1911. Вып. 5. С. 169–220. Подробнее см.: [15].

¹⁰¹ Незаконченный рассказ «Женщина с бичом» был опубликован посмертно: Брюсов В. Неизданная проза. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 157–158.

¹⁰² См. об этом периоде в истории журнала: [1, с. 311–313].

¹⁰³ Рецензий на «Детство» в «Весах» не появлялось. О плане пригласить Горького к участию в журнале см.: [1, с. 311]. Еще за полтора года до окончания журнала Брюсов послал Горькому примирительное письмо (см. публ. Ю.А. Красовского и В.Н. Чувакова // [16, с. 658]).

¹⁰⁴ Этого письма мы не знаем.

¹⁰⁵ Речь идет о стихотворении «Сон» («Ты вновь меня ведешь, и в отдалении, робко...»). Название «Олень св. Губерта» осталось в рукописи. Об отношении Соловьева к этому стихотворению см.: [2]. В сезон «Общества свободной эстетики» 1910–1911 г. Брюсов читал стихи только 4 ноября 1910 г., причем Соловьев выступал на том же вечере.

¹⁰⁶ «Дворец искусств» — раннесоветский (1918–1921, а формально по 1923) художественно-литературно-жизнестроительный проект; см. о нем: [21]. Позже он был преобразован в Высший литературно-художественный институт, с 1924 г. принявший имя Брюсова. Располагался он в так называемом доме Соллогуба (Поварская, 52).

¹⁰⁷ Соловьев преподавал латинский и греческий языки, а также вел семинарий по творчеству Брюсова и читал курс «Латинский язык в связи с общим языкознанием».

¹⁰⁸ Владимир Иванович Герье (1837–1919) — историк, преподававший всеобщую историю в Московском университете. Брюсов оставил краткою запись о нем: «Умный, но скучный. Сухой старик с резкими глазами. Читает по тетрадке отчетливым голосом. Лекции его умны и богаты содержанием, но их приятнее читать дома. В практических занятиях “семинара” Герье нестерпим. Ибо к студентам относится как к ученикам, которых надо заставлять писать, а сам их писаниями не интересуется» [8, с. 203–204].

¹⁰⁹ Рутилий Намациан Клавдий — поэт конца IV — начала V в. Занятно, что он был косвенным образом причиной размолвки Брюсова с Волошиным: последний, печатно пересказывая их беседу, вложил в уста Брюсова фразу «Рутилий и Авзоний мне ближе всего» [11, т. 6, кн. 1, с. 121]. Брюсов откликнулся гигантским письмом в редакцию: «Я не мог сказать, что “Рутилий и Авзоний — поэты Антонинов”. Я достаточно твердо знаю, что эти два поэта жили вовсе не при Антонинах. Г. Волошин обещает еще статью, посвященную мне. Надеюсь, что он будет говорить в ней о моих стихах и о моей прозе, а не о моем сюртуке и не о моей квартире» (Там же. С. 649). Брюсов переведил фрагмент его поэмы «Возвращение домой». Перевод был опубликован по автографу уже в новейшее время: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / сост. С.И. Гиндин. М.: Радуга, 1994. С. 103–105, см. также коммент.: С. 811–812.

¹¹⁰ О подготовке Брюсовым перевода «Энеиды» было объявлено еще в 1900 г., в его книге стихов «Tertia vigilia»; от этого перевода сохранились отдельные фрагменты. Через много лет Брюсов вновь приступил к переводу, полностью его переделав (о разнице версий см.: [12]). При этом при жизни поэта книга так и не была напечатана. Для подготовки ее к публикации уже в 1920-е годы И.М. Брюсова пригласила Соловьева. Он отвечал ей письмом 4 декабря 1928 г.:

«Многоуважаемая и дорогая Жанна Матвеевна!

Закончить перевод Энеиды, начатый Валерием Яковлевичем, было всегда моим желанием, и я предлагал это сделать Сабашникову. Поговорю на днях с Гросманом <sic!> на эту тему. Вторую часть Энеиды, где действие происходит в Лациуме, я всегда особенно любил. Конечно рискованно состязаться в этом деле с таким знатоком Вергилия и мастером стиха, каким был Брюсов, но кажется уже суждено быть зам-Брюсовым, как Чулкова называют зам-Бердяевым. Относительно 9-го ян-

варя я надеюсь, что удастся что-нибудь небольшое написать и прочесть, хотя у меня еще не выяснилась тема» (РГБ. Ф. 386. Карт. 155. Ед. хр. 1. Л. 3). О ходе работы над текстом он сообщал ей же:

«Дорогая Жанна Матвеевна,

я только могу повторить Ваши слова: перевод Вал.Як. — лес, дебри. Я начал исправлять первую книгу, но потом остановился в раздумье. С одной стороны, перевод в таком виде слишком труден, невозможен для рядового читателя, и мы можем нажать большие неприятности, с другой стороны, ведь эта темнота и трудность — сознательный прием Вал.Як. Он мог бы ответить: “что же, что непонятно? И Баратынский, и Маллармэ — непонятны”. Я пробовал изменить везде Иова на Юпитера. Это не трудно сделать, но надо ли? Ведь Жуковский вместо Зевс писал в “Одиссее” Дий, и это было также смело и непонятно, как Иов, и также взято из основы слова и косвенных падежей. Хуже, чем Венера звучит Керера, вместо столь знакомой Цереры. Но почему исправлять Венера и уничтожать Керера! Одним словом, или переделывать перевод, не оставив камня на камне, или исправлять очень немного, не более одного стиха на страницу. Есть конечно в переводе просто ляпсусы, неожиданные у Вал.Як. Напр. стихи кончаются таким сочетанием, как горá вод, но ведь это не прочтешь, говорят горá вóд, или гор лев. Это безудачное “лев” опять непроницаемо. “Розовая шея” у Вал.Як. передается через “румяная вяя”. Я с этим не согласен; румяный значит “красный”, а красная шея бывает не у Афродиты, а у жирных стариков. Но ведь перевод не мой, а Вал.Яковл., и если я начну переделывать его на свой лад, получится ни то, ни сё. Перевод Брюсова во всяком случае оригинален, страшно интересен, и надо оставить его, как он есть. Единственное, что можно сделать, это постараться восстановить первоначальную редакцию самого Вал.Яковл. Но возможно ли это для всех книг и всех мест? Если мы смешаем две редакции, получится чересполосица. Поговорим об этом на следующей неделе. Я Вам позвоню. Конечно, со сдачей рукописи мы можем смело опоздать до 1 февраля» (письмо от 21 ноября 1930 г. // Там же. Л. 5–5 об.). 7 декабря 1930 г. он писал: «Я не подавал Вам вестей потому, что торопился закончить перевод XI книги. Теперь уже приступаю к XII и могу параллельно просмотреть перевод первых VII книг. Для сокращения времени мы не будем с Вами читать вслух весь текст (это было бы бесконечно!). Просто Вы подчеркните стихи, которые Вам кажутся сомнительны, я со своей стороны сделаю то же самое и наедине их подправлю, а затем представлю мои исправления на Ваше усмотрение. Сегодня надеюсь просмотреть до конца I-ую книгу. На этой неделе Вам позвоню. Все больше начинаю ценить перевод Фета, несмотря на его уродливость. У Кв<ашнина>-Сам<арина> много удачных выражений, которые не грех украсть, но у него не чувствуется латинское звучание, и метр, и инструментовка — произвольны» (Там же. Л. 6).

В заметке «К истории перевода В.Я. Брюсова» И.М. Брюсова писала: «Несмотря на огромную работу, проделанную В.Я., может быть, именно благодаря ей и благодаря постоянной ломке своего перевода, а также в силу трудности выполнения поставленной себе задачи, чтобы художественный перевод являлся одновременно и художественным подстрочником, — синтаксис русского языка приобретает иногда в переводе Брюсова свойства латинской речи. Поэтому С.М. Соловьев, редактировавший первоначально перевод В. Брюсова, сделал некоторые изменения, очень, правда, незначительные, но все сводившиеся к тому, чтобы упростить русский язык. При последней сверке перевода пришлось и мне внести несколько поправок того же характера» (*Вергилий. Энеида* / пер. Валерия Брюсова и Сергея Соловьева; ред., вступ. ст. и коммент. Н.Ф. Дератани. М.: Academia, 1933. С. 321). Примечательно, что производственный цикл книги оказался нетипично долгов — она была сдана в набор в ноябре 1931 г. и подписана к печати только через год.

¹¹¹ Роман напечатан после смерти автора: *Брюсов В. Неизданная проза*. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 11–128.

¹¹² Раннесоветские сокращения — Главное управление профессионального образования, Московский отдел народного образования, Всероссийский центральный исполнительный комитет.

¹¹³ Из стихотворения «На форуме» («Не как пришлец на римский форум...»); с разночтениями.

¹¹⁴ Книгу опознать не можем.

¹¹⁵ Поэт Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) не только возглавлял «Дворец искусств», но и был постояльцем находящегося при нем общежития.

¹¹⁶ Правильно: *mania contradictionis* (лат.).

¹¹⁷ Первые строки стихотворения «З.Н. Гиппиус».

¹¹⁸ Из стихотворения «Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя...»).

¹¹⁹ Трагедия. Первая публикация: Русская мысль. 1913. № 9. С. 1–31.

¹²⁰ Героини рассказа «Сестры: из судебных загадок» (впервые: Брюсов В.Я. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. М.: Скорпион, 1907. С. 27–46).

¹²¹ Из стихотворения «Памяти Е.И.П.» («Мы встретились с нею в пустыне...»).

¹²² Из стихотворения «Проснувшийся Восток» («Не гул ли сумрачной Цусимы...»), с разночтениями.

¹²³ Может быть, речь о некрологе, написанном П.С. Коганом: «Гордый, одинокий, исполненный угрюмого величия, отворачивающийся от “скорбной драмы нашего временного бытия”, поставивший себе задачу — “одному любоваться на грезу свою”, указавший в своих творениях, в великолепных стихах, все пути бегства от неотвязчивых запросов отвратительной буржуазной действительности» (Пламя. 1924. № 21. С. 404).

¹²⁴ Формулировка «зала веселья» встречается в основном корпусе стихов Брюсова дважды — в стихотворениях «Позор» («Венчальные платья мы сняли...») и «Конь Блед» («Улица была — как буря. Толпы проходили...»). Анадиомена — одно из имен Афродиты.

¹²⁵ Брюсов был военным корреспондентом газеты «Русские ведомости» с лета 1914 г. по май 1915 г.

¹²⁶ Доклад о «Египетских ночах» Пушкина был прочитан Брюсовым на заседании «Общества свободной эстетики» 27 января 1910 г.

¹²⁷ Первые строки стихотворения «Одиночество».

¹²⁸ Стихотворение «Крот» («Роет норы крот угрюмый...»).

¹²⁹ Стихотворение «Слепой» («Люблю встречать на улице...»).

¹³⁰ Из стихотворения «Mon reve familier» («Вновь одинок, как десять лет назад...»).

¹³¹ Из стихотворения «Париж» («И я к тебе пришел, о город многоликий...»).

¹³² Из стихотворения «Искушение» («Я иду. Спотыкаясь и падая ниц...»).

¹³³ Из стихотворения «Кому-то» («Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!...»).

¹³⁴ Уже упоминавшееся выше стихотворение «Призыв» («Приходи путем знакомым...»).

¹³⁵ Из стихотворения Белого «Созидатель» («Грустен взор. Сюртук застегнут...»).

Литература

1. *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весь» (К истории издания) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 257–326.
2. *Анчугова Т.В.* От обожания к отрицанию (отклики Сергея Соловьева на поэзию Брюсова) // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван: Лингва, 2001. С. 245–258.
3. *Арзамасцев В.П., Мисочник С.М.* Эпизод из жизни поэта // Наше наследие. 1998. № 45. С. 52–53.
4. *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006. 589 с.
5. *Белый А.* Между двух революций / подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 670 с.
6. *Белый А.* Начало века / подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 688 с.
7. *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910 / подгот. к печати И.М. Брюсова, примеч. Н.С. Ашукина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.
8. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 414 с.
9. *Брюсов В.* Из переписки послеоктябрьских лет (1918–1925) / обзор, публ. и коммент. Н.А. Трифонова // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 534–571.
10. Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2004. 776 с.
11. *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак; Азбуковник, 2003–2015.
12. *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1971. Вып. 8. С. 90–128.
13. *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.
14. *Лавров А.В.* «С Брюсовым на равной ноге»: Письма М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 48–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107>
15. *Литвин Э.С.* Неоконченный утопический роман В.Я. Брюсова «Семь земных соблазнов» // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван: Советакан грох, 1976. С. 116–140.
16. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 854 с.
17. *Молодяков В.* Валерий Брюсов. Биография. СПб.: Вита Нова, 2010. 672 с.
18. Переписка Блока с С.М. Соловьевым (1896–1915) / вступ. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1980. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 308–407.
19. Письма С.М. Соловьева к Н.А. Врангель-Левицкой и ее воспоминания / публ. Н.Г. Прозоровой, Н.В. Левицкой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/26/soloviev26.shtml> (дата обращения: 20.07.2024).
20. *Соболев А.Л.* А.Я. Брюсов и В.Ф. Ходасевич. Переписка // Russian literature. 2016. Vol. 83–84. P. 259–307.
21. *Соболев А.Л.* К истории московского «Дворца искусств» // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 135–162. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162
22. *Соловьев С.* Воспоминания. М.: НЛЮ, 2003. 485 с.

Valery Bryusov in S.M. Soloviev's Memoirs

© 2025. Alexander L. Sobolev

Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents a memoir essay about V.Ya. Bryusov, written shortly after the poet's death by his friend, the symbolist of the younger generation S.M. Solovyov. Their literary and human relations were not simple, which is directly reflected in the essay. In his memoir, Solovyov stops at the mid-1900s, the time of the closest communication between the two poets and Bryusov's acquisition of wide literary recognition. Telling a number of interesting life stories, the memoirist at the same time tries to show the formation of Bryusov as the head of a new school of Russian poetry and literature, assigning him approximately the same role that A.S. Pushkin had to play a century earlier. Remembering Bryusov in the hustle and bustle of editorial affairs at the journal *Libra*, the publishing house "Scorpio," in literary and personal skirmishes and polemics, in the family circle and in tense love collisions, Solovyov does not forget the main thing — that the hero of his essay was, first of all, a poet. The memoirs are published entirely according to the author's manuscript of S.M. Solovyov, the publication is accompanied by an academic commentary.

Keywords: Valery Bryusov, Sergei Solovyov, memoirs, Russian literature of the early 20th century, symbolism, periodicals, biography of the writer, literary life, archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Valery Bryusov in S.M. Soloviev's Memoirs." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 51–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-51-94>

References

1. Azadovskii, K.M., and D.E. Maksimov. "Briusov i 'Vesy' (K istorii izdaniia)" ["Bryusov and 'Libra' (On the History of the Publication)"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 257–326. (In Russ.)
2. Anchugova, T.V. "Ot obozhaniia k otritsaniiu (otkliki Sergeia Solov'eva na poeziu Briusova)" ["From Adoration to Denial (Sergey Solovyov's Responses to Bryusov's Poetry)"]. *Briusovskie chteniia 1996 goda [Bryusov Readings, 1996]*. Yerevan, Lingva Publ., 2001, pp. 245–258. (In Russ.)
3. Arzamastsev, V.P., and S.M. Misochnik. "Epizod iz zhizni poeta" ["An Episode from the Life of a Poet"]. *Nashe nasledie*, no. 45, 1998, pp. 52–53. (In Russ.)

4. Ashukin, N., and R. Shcherbakov. *Briusov [Bryusov]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 589 p. (In Russ.)

5. Belyi, A. *Mezhdv dvukh revoliutsii [Between Two Revolutions]*, text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 670 s. (In Russ.)

6. Belyi, A. *Nachalo veka [Beginning of the Century]*, text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 688 s. (In Russ.)

7. Briusov, V. *Dnevnik. 1891–1910 [Diaries. 1891–1910]*, prep. for publ. by I.M. Briusova, notes by N.S. Ashukin. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1927. 203 p. (In Russ.)

8. Briusov, V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma [Diaries. Autobiographical Prose. Letters]*, comp/ and introd. article by E.V. Ivanova. Moscow, OLMA-press Publ., 2002. 414 p. (In Russ.)

9. Briusov, V. “Iz perepiski posleoktiabr'skikh let (1918–1925)” [“From the Correspondence of the Post-October Years (1918–1925)”], review, publ. and comm. by N.A. Trifonov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty [Valery Bryusov and His Correspondents], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 534–571. (In Russ.)

10. Valerii Briusov. *Nina Petrovskaia. Perepiska. 1904–1913 [Valery Bryusov. Nina Petrovskaya. Correspondence. 1904–1913]*, introd. article, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 776 p. (In Russ.)

11. Voloshin, M.A. *Sobranie sochinenii: v 13 t. [Collected Works: in 13 vols.]*, ed. by V.P. Kupchenko and A.V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak Publ., Azbukovnik Publ., 2003–2015. (In Russ.)

12. Gasparov, M.L. “Briusov i bukvalizm (po neizdannym materialam k perevodu ‘Eneidy’)” [“Bryusov and Literalism (Based on Unpublished Materials for the Translation of the ‘Aeneid’)”]. *Masterstvo perevoda [Mastery of Translation]*, issue 8. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1971, pp. 90–128. (In Russ.)

13. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty. Etiudy i razyskaniia [Russian Symbolists. Studies and Research]*. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 632 p. (In Russ.)

14. Lavrov, A.V. “‘S Briusovym na ravnoi noge’: Pis'ma M.F. Likiardopulo k V.Ia. Briusovu” [“‘As Bryusov's Equal’: M.F. Likiardopulo's Letters to V.Ya. Bryusov”]. *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 3 (21), pp. 48–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107> (In Russ.)

15. Litvin, E.S. “Neokonchennyi utopicheskii roman V.Ia. Briusova ‘Sem' zemnykh soblaznov’.” [“Unfinished Utopian Novel by V.Ya. Bryusov ‘Seven Earthly Temptations’.”] *Briusovskie chteniia 1973 goda [Bryusov Readings, 1973]*. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1976, pp. 116–140. (In Russ.)

16. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 854 p. (In Russ.)

17. Molodiakov, V. *Valerii Briusov. Biografiia [Valery Bryusov. Biography]*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)

18. “Perepiska Bloka s S.M. Solov'evym (1896–1915)” [“Correspondence of Blok with S.M. Solovyov (1896–1915)”], introd. article, publ. and comm. by N.V. Kotrelev and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok.

Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Research], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 308–407. (In Russ.)

19. “Pis'ma S.M. Solov'eva k N.A. Vrangel'-Levitskoi i ee vospominaniia” [“Letters from S.M. Solovyov to N.A. Wrangel-Levitskaya and Her Memories”], publ. by N.G. Prozorova and N.V. Levitskaia. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 26, 2008. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/26/soloviev26.shtml> (Accessed 20 July 2024). (In Russ.)

20. Sobolev, A.L. “A.Ia. Briusov i V.F. Khodasevich. Perepiska” [“A.Ya. Bryusov and V.F. Khodasevich. Correspondence”]. *Russian literature*, vol. 83–84, 2016, pp. 259–307. (In Russ.)

21. Sobolev, A.L. “K istorii moskovskogo ‘Dvorts iskusstv’.” [“Toward the History of the Moscow ‘Palace of Arts’.”] *Rhema*, no. 4, 2020, pp. 135–162. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162 (In Russ.)

22. Solov'ev, S. *Vospominaniia [Memories]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 485 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.10.2024
Одобрена после рецензирования: 13.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 20.10.2024
Approved after reviewing: 13.01.2025
Date of publication: 25.03.2025